

ПОДМОСКОВНЫЯ
ДОРОЖНЫЯ ЗАМѢТКИ.

ПОДМОСКОВНАЯ

ДОРОЖНАЯ ЗАМѢТКА

С. Як—ва.

МОСКВА.

1862.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ГАЗЕТЫ «НАШЕ ВРЕМЯ.»

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

**съ тѣмъ, чтобы поотпечатаніи было представлено въ
ценсурный комитетъ, узаконенное число экземпляровъ.
Москва. Марта 30 дня 1862 года.**

Ценсоръ Я. Прибыль.

I.

Воскресенскъ.—Промышленность мѣстныхъ крестьянъ.—
Миткалевое производство.—Разговоръ крестьянъ о новомъ
своемъ положеніи, подслушанный въ трактирѣ.—Котлет-
ка, приготовленная по барски.—Сюрпризъ на градской поч-
товой станціи.—Волоколамскъ.—Городъ, бѣжавшій отъ
рѣки.—Село Яропольцы.—Село Слобода.—Кое-что о ко-
чевыхъ цыганахъ.—Открытие на клинской станціи же-
лѣзной дороги.—Мои сосѣди въ вагонѣ.

Былъ довольно темный, теплый вечеръ, когда
я на тройкѣ почтовыхъ выѣхалъ изъ Москвы, и
двинулся по дорогѣ къ Волоколамску. Мнѣ приш-
лось ѣхать ночью до самаго Воскресенска, заш-
татнаго города, болѣе извѣстнаго въ публикѣ
подъ именемъ Новаго-Іерусалима, потому что въ
этомъ городѣ находится монастырь такого назва-
нія, мѣсто ссылки патріарха Никона. Я остано-
вился ночевать въ городѣ, чтобы имѣть возмож-
ность лучше ознакомиться съ нимъ. Воскресенскъ
небольшой, но веселенькій городокъ, не похожій
на другіе русскіе уѣздные города развѣ потому,
что въ немъ нѣтъ большаго каменнаго дома

оштукатуреннаго и выкрашеннаго въ бѣлый цвѣтъ, дома, выстроеннаго на площади и извѣстнаго подъ именемъ: присутственныхъ мѣстъ. Но за то въ Воскресенскѣ, на его двухъ, трехъ улицахъ я замѣтилъ много жизни, оживленія, что вообще рѣдко встрѣчается въ тѣхъ городахъ, гдѣ нѣтъ фабрикъ и мануфактуръ; за то Воскресенскъ торговый пунктъ, базарное мѣсто для окрестныхъ жителей деревень и селъ, и потому въ базарные дни сюда съѣзжается довольно много народу, продавцевъ и покупателей; чаще всего, впрочемъ, одно и тоже лицо является здѣсь и тѣмъ, и другимъ, т. е. и продавцемъ, и покупателемъ. Сбывъ привезенный товаръ, крестьянинъ на добытыя деньги, приобретаетъ разныя издѣлія, необходимыя для его хозяйства. Окрестный народъ здѣсь занимается хлѣбопашествомъ по преимуществу; очень малая часть промышленности извозомъ въ Москвѣ, легковынъ и ломовымъ; фабричныхъ почти вовсе нѣтъ; только нѣкоторые крестьяне держатъ у себя въ деревняхъ небольшія ткацкія заведенія въ пять, десять становъ, и ткутъ миткаль по заказу богатыхъ фабрикантовъ. Такого рода занятіе считается вообще выгоднымъ въ мѣстахъ, расположенныхъ недалеко отъ промышленныхъ центровъ; здѣсь оно еще не такъ развито, какъ во владимірской губерніи, въ уѣздахъ суздальскомъ и шуйскомъ. Тамъ въ каждомъ селеніи вы непременно встрѣ-

тите пять, шесть такихъ фабрикъ, выстроенныхъ отдѣльно на краю деревни или среди ея, въ видѣ продолговатой избы съ большими, частыми окнами. Такой же точно видъ имѣютъ и миткалевые фабрики, или, лучше сказать, фабрички, въ окрестностяхъ Воскресенска: кромѣ миткаля, здѣсь, въ нѣкоторыхъ домахъ, ткутъ холстинку и бумажные платки, продаваемые, по большей части, тутъ же на мѣстѣ производства, или сдаваемые тѣмъ же промышленникамъ, которые покупаютъ и миткаль. Условія производительности деревенскихъ фабрикантовъ различныя: одни работаютъ изъ своего матеріала и продаютъ уже готовые произведенія; другіе берутъ у *хозяевъ* (какъ называются крупные промышленники) основу и весь матеріалъ; деньги же получаютъ только за работу на своихъ станахъ. Доходъ, получаемый такой промышленностію, весьма различенъ.

Я замѣтилъ, что, кромѣ этого, звенигородскіе, русскіе и отчасти волоколамскіе крестьяне занимаются продажей дровъ. Дорогой мнѣ попадалось много обозовъ съ дровами, которыя везли на продажу въ Москву. На вопросъ мой: откуда они берутъ столько дровъ, крестьяне отвѣчали, что у нихъ свои дрова, и затруднялись давать болѣе точное объясненіе этимъ словамъ.

Въ Воскресенскѣ три трактира, всегда полные народа; я зашелъ въ одинъ изъ нихъ. Молодой

уарень, въ красной рубахѣ, съ грязнымъ передникомъ, съ полотенцемъ черезъ плечо, головой наклоненной на бокъ и отличающійся особеннымъ искусствомъ вилять во всѣ стороны руками и ногами, какъ будто онѣ у него вывороченныя, проводилъ меня на верхъ, въ довольно большую комнату, и усадилъ за отдѣльнымъ столомъ.

— Что прикажете-съ? произнесъ онъ, наклонивъ голову еще болѣе на бокъ и смотря мнѣ прямо въ глаза.

— Что у васъ есть съѣдобнаго?

— Всѣ-съ.

— Что же всё?

— Бивстексъ, ваклеты....

— Ну, сдѣлай мнѣ котлету.

— Слушаю-съ. И онъ, виляя всѣми членами, спустился по лѣстницѣ внизъ.

Я осмотрѣлъ комнату. Почти рядомъ со мною окна, вырубленнаго на подобіе слуховаго, за большимъ столомъ сидѣло человекъ семь крестьянъ и пили чай. Одѣты были они очень просто, неряшливо, и только двое въ новыхъ, синихъ суконныхъ кафтанахъ рѣзко отличались смѣлостью взгляда и сознаниемъ своего превосходства надъ товарищами; они сидѣли на противоположныхъ концахъ стола и большею частію говорили по очереди; остальные только слушали ихъ и по временамъ поддакивали.

— Дивлюсь я, право слово, на нашъ народъ, говорила одна изъ синихъ чукъ: ничѣмъ, кажется, его въ довольство не приведешь. Есть ли теперь сравненіе нынѣшняго времени съ прошедшимъ? Прежде, бывало, бѣденъ ты, на тебѣ все и обрушивается; на барщину къ помѣщику требуютъ—ты далъ старостѣ, или управителю гривенникъ или что тамъ придется, ослободяють тебя отъ работы, а на барщину идетъ одинъ бѣднякъ. Всякія несправедливости бывали. Тепереча ужъ этого не сдѣлаешь; теперича все по справедливости дѣлается, а народъ пуще прежняго недоволенъ, и во многихъ мѣстахъ сумленія и неудовольствія происходятъ. Станный, право, народъ.

—Точно, что странный, Пётро Кузмичъ, поддагнули его собесѣдники.

—А не оттого ли это теперича происходитъ, возразила другая синяя чуйка, что народъ больше свое дѣло сталъ понимать? дапрежде, какъ онъ былъ барской, у него той заботы о себѣ не было, а теперича всякой о себѣ понимаетъ и заботится.

—Вздоръ ты толкуешь. Развѣ такое бываетъ пониманіе! По твоему, это пониманіе, что у нихъ съ господами больше неудовольствій бываетъ. Скажите вотъ всѣ вы, братцы, по откровенности, легче теперича, али нѣтъ?

—Не въ примѣръ легче, Пётро Кузмичъ, отвѣчали всѣ хоромъ.

—А коли легче, отчего такое происходят разныя неудовольствія? оттого что человекъ, значить, ни отъ чего въ довольствѣ не можетъ быть, и все хочетъ еще лучше себѣ получить, — вотъ отъ чего всѣ эти неудовольствія.

—Нѣтъ, не оттого Пётро Кузмичъ, замѣтилъ крестьянинъ съ большой черной бородой, въ которой проглядывала уже сѣдина, и съ свѣтлымъ умнымъ взглядомъ. Неудовольствія потому бываютъ, что не всѣ, значить, свое положеніе въ толкѣ берутъ. Опять не всѣ знаютъ, что для него можетъ баринъ сдѣлать, и чего не можетъ. Опять новыя власти и мы къ нимъ непривычны.

—Да, вѣдь, положеніе читали вамъ? спросилъ Пётро Кузмичъ.

—Читали.

—Такъ отчего же вы свои новыя правила не знаете?

— Всего не упомянешь, Пётро Кузмичъ, произнесъ рябоватый мужичишко съ рѣдкой, рыжей бородой.

— То-то и есть, память у насъ коротка, въ томъ-то и бѣда, сказалъ самодовольно Пётро Кузмичъ; а пора бы, братцы, короткую память-то по боку, да своимъ разумомъ жить, — помнить все, что знать надлежить. Какъ же я, теперича, все помню и ничего забыть не могу.

— Ты Пётро Кузмичъ, дѣло другое; ты у

насъ волостной голова, отвѣчали въ одинъ голосъ крестьяне.

— Мало ли что голова, а чай такой же человекъ, какъ и вы, то-же крестьянинъ; память у меня такая же какъ у васъ. Нѣтъ, братцы, намъ, теперича всякій человекъ самъ о себѣ долженъ заботу имѣть и свои обстоятельства всѣ самъ знать, а то толку изъ энтаго никакого не будетъ.

— Какой же толкъ, Пётро Кузьмичъ?

— Оедька, а, Оедька! сюда! крикнулъ рябоватый мужичишко, выглянувъ въ окно.

Я сдѣлалъ тоже, и увидѣлъ, выходящаго изъ противоположнаго трактиру кабака, мужичка пожилаго и болѣзненнаго вида. Услышавъ свое имя, громко произнесенное, онъ посмотрѣлъ наверхъ, кивнулъ головой, и минуту чрезъ десять вошелъ въ нашу комнату съ бутылкой пива въ рукахъ.

— Благодаримъ покорно, батюшка, Пётро Кузьмичъ, произнесъ онъ низко кланаясь.

— Меня не зачто благодарить, — все по справедливости дѣлается; таперича былъ ты у мирового посредственника и увидѣлъ онъ, что ты правъ и взялъ твою сторону, а я въ этомъ дѣлѣ не причѣмъ, отвѣчалъ голова.

— Всё мы тебѣ благодарны, Пётро Кузьмичъ. И онъ налилъ пива въ небольшія рюмки, стоявшія

тутъ же на столѣ. Пожалуйте, произнесъ онъ, обращаясь къ головѣ.

— Зачѣмъ это произнесъ голова.

— Сдѣлайте милость.

— Вовсе это не нужно.

— Не обижайте, Пётро Кузьмичъ.

— Ну, пей, я ужь свою долю выпью; за нами остановки не будетъ. И всѣ эти неудовольствія устранить можно, продолжалъ онъ ораторствовать; таперича у насъ въ имѣніи, наряжаетъ Митрій Митричъ пахать по три лошади на десятину; хорошо. Сдѣлалъ я нарядъ, а крестьяне говорятъ, имъ это не подъ силу, просятъ позволить имъ четвертую лошадь взять. Я къ Митрію Митріевичу, и доложилъ ему; а онъ говоритъ: я бы, говоритъ, Петръ, четвертую лошадь позволилъ, да зачѣмъ они моего приказу не слушаются; опять, говоритъ, четвертую лошадь позволю, ино пятую запросятъ. Только я это уломалъ, позволилъ онъ четвертую лошадь. Какъ вы думаете, братцы, они и заправду пятую запросили, и что же братцы, по моему по настоянію, позволилъ Митрій Митричъ пятую лошадь. А случись это въ другой вотчинѣ, староста, пожалуй, барину не доложилъ бы, али не такъ какъ слѣдуетъ доложилъ и пошли бы всякія неудовольствія.

— Оно справедливо такъ, поддакнули крестьяне.

— Таперича и ты, Федька, приходишь ко мнѣ, говоришь: баринъ понуждаетъ на работу идти, а ты болѣнъ; вижу, точно ты болѣнъ; ну отправился я съ тобой къ посредственнику и объяснили мы ему все это дѣло и онъ тебя освободилъ.

— Благодаримъ покорно, Пётро Кузмичъ.

— Не за-что; я свое только дѣло дѣлаю.

Въ это время вбѣжалъ вилиющій всѣми членами половой, и поставилъ передо мной горячую котлетку, тарелку довольно грязную и положилъ еще болѣе грязные ножикъ и вилку.

— По-барски приготовлена, произнесъ онъ съ улыбкой, указывая на тарелку. Не знаю, почему половой, — онъ же и поваръ, какъ я узналъ послѣ, — составилъ себѣ довольно оригинальное мнѣніе о барскомъ вкусѣ; онъ полагалъ, что господамъ особенно пріятна сладкая пища, и потому всыпалъ неимовѣрное количество сахару въ мою котлетку, такъ что она скорѣе имѣла вкусъ какого-то пирожного, приготовленнаго изъ засахареннаго мяса. Но меня всего болѣе удивило въ этомъ трактирѣ то, что при расчетѣ котлетка была оцѣнена въ 40 к. сер. Какъ вамъ покажется такая дороговизна въ дрянномъ трактирѣ заштатнаго подмосковнаго города? Для кого-же существуютъ трактиры съ такими цѣнами за яства? — надѣюсь не для крестьянъ. Или половой захотѣлъ воспользо-ваться случаемъ, что къ нимъ зашелъ путеше-

ственникъ, потребовавшій котлетку, которую ему приготовили «по-барски». А, можетъ быть, и сахаръ здѣсь стоить дорого! Будучи въ первый разъ въ Воскресенскѣ, я не зналъ, что онъ сообщается съ Москвою гораздо удобнѣйшимъ путемъ, нежели та дорога, чрезвычайно плохая для ѣзды, по которой я ѣхалъ въ первый разъ. Черезъ недѣлю, когда мнѣ нужно было опять попасть въ Воскресенскъ, я уже отправился по николаевской желѣзной дорогѣ до второй станціи; тамъ я нанялъ линейку, которая и доставила меня въ Воскресенскъ. Линеекъ этихъ у станціи желѣзной дороги вообще много, такъ какъ бываетъ достаточное количество богомольцевъ, отправляющихся съ религіозною цѣлю въ Новый-Іерусалимъ. При довольно поспѣшной ѣздѣ, неудобство этихъ линеекъ дѣлается скоро замѣтнымъ; онѣ очень тряски и фартуки нисколько не защищаютъ отъ пыли въ жаръ и отъ грязи въ мокрое время года. Линейка тройкой беретъ за 18-ти верстное разстояніе 2 руб. сер., а иногда и полтора. Дорога вообще хороша и идетъ по полямъ; часто попадаются деревни, при приближеніи къ которымъ васъ окружаютъ деревенскіе мальчики и дѣвочки съ предложеніемъ купить у нихъ ягодъ. Добываніе денегъ здѣсь развито на столько, что верстахъ въ семи отъ Воскресенска, близъ какого-то села, приходится переѣзжать черезъ рѣчку, и мальчики

и дѣвочки ждутъ васъ у мосту съ кружками, предлагая напиться, разумѣется, за деньги. Нищіе здѣсь, какъ вездѣ, провожаютъ васъ своими причитаніями и моленіями.

По дорогѣ изъ Воскресенска въ Волоколамскъ, мнѣ пришлось свернуть въ сторону и потомъ снова выѣхать на большую дорогу въ Грядскую станцію, гдѣ я хотѣлъ взять почтовыхъ лошадей. Но давно извѣстно, что человекъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Пословица эта, говорятъ, испанская, но чрезвычайно примѣнима ко всякой другой странѣ. На станціи оказались на лицо только изба и въ ней, повѣшенныя на стѣнѣ въ рамкѣ: «правила для почтовыхъ станцій». Станціонный писарь еще съ утра ушелъ верстъ за пятнадцать; лошади паслись въ полѣ, а ямщикъ, какъ объяснили мнѣ, гулялъ на праздникѣ, въ деревнѣ, въ четырехъ верстахъ. Пришлось помѣститься въ избѣ, и ждать пока кто-нибудь явится на выручку, хотя свободного времени у меня было очень мало и я спѣшилъ. Раздосадованный, я было хотѣлъ принести жалобу почтовому начальству, и посмотрѣлъ, гдѣ заведенная на этотъ случай жалобная книга, которая, по закону, должна быть припечатана къ столу, чтобы смотритель не могъ скрыть еѣ отъ проѣзжающихъ. Оказалось, однако, что такой книги на станціи вовсе не имѣется. Мнѣ пришлось, такимъ образомъ, доіольно долго ждать въ запу-

стѣломъ мѣстѣ, пока, наконецъ, не явился пьяный ямщикъ и не объявилъ, что повезетъ меня дальше, забывъ прибавить, что чрезъ пять верстъ вывалить изъ телѣги, сломаетъ ось и разшибетъ себѣ голову въ кровь. Это былъ сюрпризъ, впрочемъ, кажется и для него. Впослѣдствіи, когда я возвратился въ Москву, я послалъ въ почтамтъ жалобу на Грядскую станцію, и вотъ копія съ отвѣта, полученнаго мною: «Московскій почтамтъ имѣетъ честь увѣдомигъ, что такъ какъ, по разслѣдованію подтвердилось, что, во время проѣзда вашего чрезъ Грядскую станцію, писарь самовольно отлучился отъ своей должности, чрезъ что встрѣтилось для васъ задержаніе, то онъ и удаленъ со станціи: жалобныя же книги всегда находятся на станціяхъ, припечатанными къ станціонному столу, какъ и на Грядской станціи». Я до сихъ поръ не могу понять, почему почтамтъ удостоилъ вѣрою только одну половину моей жалобы.

.... Я уже проѣхалъ мимо двадцати или тридцати плохихъ и ветхихъ избъ довольно большаго села, когда предо мною предстало нѣсколько домовъ съ тесовыми, крашеными крышами и церковь. Я спросилъ у ямщика: что это за село? и получилъ въ отвѣтъ, что мы ѣдемъ городомъ Волоколамскомъ. Безъ этого объясненія я никогда бы не догадался, что нахожусь уже въ цѣли моей первой поѣздки; мнѣ еще не случалось видать такихъ

маленькихъ, дурно выглядывающихъ городковъ. А вѣдь было время, когда здѣсь была столица сильнаго и значительнаго волоколамскаго княжества, когда набожное населеніе молилось здѣсь въ сорока церквахъ, спасалось въ четырехъ монастыряхъ! И какіе жалкіе остатки прежней славы! Она жива только въ преданіяхъ. Въ Волоколамскѣ живутъ теперь только служащіе, да нѣскольکو купеческихъ семействъ, не производящихъ никакой торговли, кромѣ развѣ мѣстной, весьма скудной. На улицахъ вездѣ вы замѣчаете какую-то, непріятно поражающую мертвенность. Нигдѣ нѣтъ ни жизни, ни даже движенія. И что за странное явленіе! У всѣхъ народовъ вселенной, даже у номадовъ, принято селиться ближе къ водѣ; всѣми признана необходимость имѣть воду въ достаточномъ количествѣ близъ жилья. Въ Волоколамскѣ совершенно наоборотъ. Городъ этотъ, прежде называвшійся Волокъ на Ламѣ, стоялъ на рѣкѣ Ламѣ, которая хотя и не велика, но все-таки могла бы удовлетворить потребности значительнаго береговаго населенія. Что же случилось между тѣмъ! Волоколамскіе жители старались годъ отъ году удалиться отъ рѣки, бѣжали отъ нея и теперь городъ стоитъ въ четырехъ верстахъ отъ Ламы, не примкнувъ ни къ какому другому водному резервуару. Скажите на милость, есть ли въ цѣломъ

міръ еще такой городъ, который бѣжалъ бы отъ воды!

Волоколамскъ чисто русскій городъ: это не средоточіе какой нибудь торговой мѣстности, не промышленный центръ края; это просто площадь, на которой выстроены присутственные мѣста, гдѣ живутъ: городничій, исправникъ, судья, чиновники земскаго и уѣзднаго судовъ, гдѣ выстроена аптека, гдѣ вмѣсто крестьянъ живутъ мѣщане. Вотъ и все, что нужно для того, чтобы изъ русскаго села сдѣлать уѣздный городъ. На всѣ мои распросы о томъ, что есть замѣчательнаго въ Волоколамскѣ, я узналъ только, что въ здѣшнемъ соборѣ хранится рѣзной изъ дерева во весь ростъ, образъ Николая Чудотворца, который носятъ, ежегодно, въ реченный Николинъ день, въ Осиповъ монастырь, выстроенный въ двадцати верстахъ отъ города, и что ходъ этотъ сопровождается огромной толпой богомольцевъ, имѣющихъ сильную вѣру въ образъ.

Въ то время, какъ я пріѣхалъ въ Волоколамскъ, здѣсь многіе были озабочены извѣстіемъ, что въ окрестностяхъ и оказалась сибирская язва на лошадяхъ. Тотчасъ были приняты мѣры, чтобы помочъ бѣдѣ и возможно скорѣе остановить эпидемію. Болѣзнь была совершенно вновь, такъ что крестьяне затруднялись опредѣлить ее; мѣстныя власти, однако, справились съ статьями въ газе-

тахъ о сибирской язвѣ въ петербургской губерніи, и рекомендовали крестьянамъ тѣ лечебныя средства, которыя были указаны въ тѣхъ же газетахъ.

Изъ Волоколамска я выѣхалъ въ большое село Яропольцы, гдѣ помѣщается станъ и квартира становаго. Яропольцы оживленнѣе Волоколамска; большая улица здѣсь вымощена и на площади стоитъ трактиръ «Рига»; въ уѣздномъ же городѣ нѣтъ ни харчевенъ, ни трактировъ. Яропольцы принадлежатъ помѣщику г. Гончарову, и тутъ же великолѣпная усадьба графа Чернышева-Кругликова, въ которой нѣкогда гостила императрица Екатерина II со всѣмъ дворомъ. Съ тѣхъ поръ село опустѣло, въ барскомъ домѣ не живетъ никто и онъ праздно стоитъ какъ памятникъ прошлаго. Въ Яропольцахъ погребенъ извѣстный Дорошенко и надъ его могилой выстроены помятникъ въ видѣ часовни. Въ селѣ есть двѣ школы; въ имѣніи каждаго помѣщика обученіемъ крестьянскихъ мальчиковъ занимается дворовый человѣкъ.

— И скоро выучиваются читать и писать? спросилъ я одного крестьянина.

— Да зимы въ двѣ выучиваются.

Лѣтомъ школа закрыта, потому что мальчики работаютъ и помогаютъ своимъ родителямъ въ земледѣльческихъ занятіяхъ. Яропольцевскій край также промышленъ, какъ и та мѣстность, по которой я ѣхалъ до сихъ поръ.

Такъ какъ мнѣ отсюда пришлось возвращаться въ Москву, то я выбралъ новый путь и поѣхалъ изъ Яропольцевъ на клинскую станцію желѣзной дороги. Путь лежалъ намъ на Слободу, пограничное село клинскаго уѣзда, и отъ него по большой дорогѣ до самой станціи. Слобода большое селеніе, замѣчательное тѣмъ, что въ немъ почти въ каждомъ домѣ есть трактиръ; вывѣски свидѣлствуютъ, что здѣсь больше содѣржателей харчевенъ, нежели жителей. Я не могъ узнать причины такого расположенія слободскихъ жителей къ трактирной жизни, тѣмъ болѣе, что трактъ этотъ даже не почтовый и на немъ встрѣчается очень мало проѣзжающихъ; для ярмарочныхъ же и базарныхъ дней, которые вовсе не такъ часты, обиліе харчевенъ слишкомъ значительно. Вообще же Слобода гораздо болѣе походить на городъ, нежели Волоколамскъ, хотя здѣсь и не живутъ такія власти.

Дорогой изъ Слободы, верстахъ въ пятнадцати отъ селенія, намъ пришлось ѣхать лѣсомъ. Ямщикъ рассказывалъ мнѣ, что въ прошломъ году, во время ильинской ярмарки, двое цыганъ и цыганка наняли одного его пріятеля, тоже ямщика, до Клинъ, и когда онъ привезъ ихъ въ этотъ лѣсъ, цыгане, исколотивъ его, выбросили изъ тарантаса, а сами угнали лошадей. Ямщикъ жаловался; говорили, было произведено и слѣдствіе, но оно, ничего не открыло. Цыгане исчезли безвозвратно съ

своею добычей. Было время, и очень недавно, не болѣе десяти лѣтъ тому назадъ, когда подобные случаи были очень обыкновеннымъ явленіемъ. *Полевые* цыгане открыто занимались грабежомъ, и нѣкоторые исчезали. Народъ нашъ вообще не любитъ ихъ, и узнавъ, что въ окрестности расположился таборъ, дѣлается осторожнѣе и больше наблюдаетъ за охраненіемъ своихъ вещей и скота. И опасенія эти рѣдко бываютъ излишними; обыкновенно цыгане, покочевавъ около извѣстной мѣстности, производятъ въ ней опустошеніе. Замѣчательно, что это хищничество развито только между полевыми цыганами, — осѣдлые, жители городовъ, отличаются, по большей части, честностью. Въ Москвѣ, Грузины, часть города населенная цыганами, самая безопасная отъ воровъ. Такимъ образомъ грабежъ есть прямое слѣдствіе кочевой жизни. Правда, и городскіе цыгане страшные охотники пріобрѣтать; они разными способами стараются добыть себѣ денегъ. Но развѣ это не составляетъ относительное качество людей всѣхъ націй, не погрязшихъ въ вѣковомъ снѣ! Дико было бы, подобно нѣкоторымъ цыганоненавистникамъ, нападать на это племя за то, что оно, заманивая къ себѣ прелестью женской части своего табора, молодыхъ людей и сладострастныхъ старичковъ, заставляетъ ихъ прокучивать большія деньги. Здѣсь виновата не удовлетворяющая страсти среда, а слабое существо, могу-

щее удовлетвориться такимъ препровожденіемъ времени. Видя пьянаго, вы нападете на его слабость, а никакъ не на вино: отчего же въ выше приведенномъ случаѣ приходится слышать сужденіе, противоположное этому?

Боясь опоздать къ поѣзду, который долженъ былъ отѣхать съ Клинской станціи въ половинѣ второго, я спѣшилъ и не останавливался нигдѣ до-рогой. Слѣдствіемъ этой поспѣшности было то, что я пріѣхалъ на станцію часомъ раньше прихода поѣзда. Здѣсь я узналъ, что наканунѣ въ Клину былъ небольшой пожаръ. На станціи мнѣ привелось сдѣлать открытіе, которое, впрочемъ, было мнѣ, вовсе не любо. Я увидѣлъ, какъ прислуга, приготовляя столъ для закуски, разослала на немъ скатерти и спрыскивала ихъ водой, взятой въ ротъ. Въ чему было это вспрыскиванье? къ тому ли, чтобы скатерти лежали ровнѣе, или чтобы столовое бѣлье казалось свѣжѣе, — я не знаю; но во всякомъ случаѣ пожалѣлъ, что сдѣлалъ это открытіе. Не будучи брюзгливымъ, я однако, вовсе не желаю власть хлѣбъ, или вообще что бы не было употребляемое мною въ пищу, на скатерти, орошаемыя вышеописаннымъ способомъ.

Поѣздъ, съ которымъ мнѣ пришлось отправиться до Москвы, оказался, состоящимъ изъ вагоновъ только третьяго класса. Въ числѣ новыхъ спутниковъ моихъ были представители всѣхъ клас-

совѣ общества, кромѣ, разумѣется, аристократическаго. Въ углу расположилась группа ярославцевъ, отправляющихся изъ Петербурга, съ заработковъ къ себѣ въ деревню; противъ нихъ мѣста были заняты двумя какими-то женщинами, изъ которыхъ одна громко объявляла, что она теперь временнообязанная, а въ Москвѣ выйдетъ замужъ за солдата и будетъ совсѣмъ вольная.

— Чтѣ же, ты въ полку будешь жить? спросила ее сосѣдка.

— Да въ полку; онъ теперь деньщикомъ дивизионнаго генерала.

— Значить и ты у генеральши въ услуженіи будешь?

— Да, я къ военнымъ привыкла; нашъ баринъ полкомъ командовалъ, такъ мы походную жизнь знаемъ. Не много далѣе старушка-крестьянка собрала около себя нѣсколько человѣкъ, которымъ рассказывала о томъ, какъ она была въ Соловецкомъ, какъ прежде того ходила въ Кіевъ, и что есть мѣсто за Кіевомъ, называемое Почаевымъ, и что въ Почаевѣ есть камень, и въ немъ углубленіе на подобіе стопы, отъ стопы этой всякія исцѣленія ниспосылаются. Всѣ слушали ее внимательно и, когда она вынула изъ дорожнаго мѣшка известную почаевскую стклянку съ изображеніемъ на ней ступни, всякій изъ слушавшихъ хотѣлъ непремѣн-

но поддержать въ рукахъ стѣлянку и, принимая ея отъ сосѣда, набожно крестился.

Противъ меня сидѣла старушка, одѣтая, не смотря на страшный жаръ, въ ватяный капоть; на головѣ ея была также ваточная шапочка и сверху чепецъ; полное, здоровое лицо ея свидѣтельствовало о томъ, что жизнь ея течетъ беззаботно и безпечно. Когда мы были уже около десяти минутъ въ дорогѣ, она перестала окидывать меня испытующимъ взглядомъ и спросила:

— Вы, батюшка, изъ нашихъ?

— То есть, какъ изъ вашихъ? отвѣчалъ я. — Попрошю на вопросъ.

— Да прежде помѣщиками называли, а теперь какъ вличутъ—я и понять не могу.

— Да-съ, я землевладѣлецъ, отвѣчалъ я.

— Это, батюшка, по книжному, а я книжнаго не касаюсь. Она говорила это такъ искренно, что я вѣрилъ ей вполнѣ.—Изъ имѣнья своего ѣдите? продолжала она спрашивать.

— Нѣтъ-съ.

— Скажите вы, намилость, какъ мнѣ подѣлать старость возиться съ «Положеніемъ»? Не могу я въ толкъ взять этихъ новыхъ правилъ. Конечно, оно волюность,—дѣло христіанское; да лучше было бы, кабы намъ старикамъ, умереть дали, да потомъ и мѣняли. Трудно, батюшка, въ старческіе года, къ новымъ порядкамъ привыкать; охъ какъ трудно.

Вы, батюшка, молоды; вы этого не поймете хорошенько.

Я не зналъ, что возражать моей сосѣдкѣ, и молчалъ; молчаніе это видимо обидѣло ее.

— Ничего вы на мои слова не отвѣчаете; батюшка, сказала она; можетъ про себя и смѣтеться надъ моею рѣчью, а я вамъ скажу, были бы вы на моемъ мѣстѣ, — то-же говорили бы. Я, батюшка, двадцать шесть лѣтъ изъ деревни своей не выѣзжала, хоть деревня у меня и маленькая, да госпожа и барыня я въ ней была, а теперь нечего мнѣ тамъ дѣлать; ѣду въ Москву жить, на тѣ денежки, что двадцать шесть лѣтъ копила-то.

Я было попытался объяснить моей сосѣдкѣ, что она поступаетъ неразумно, бросая деревню, въ то время, когда именно ея присутствіе было бы тамъ полезно, даже и необходимо для устройства новаго хозяйства; но она только недоувѣрчиво покачала головой и сказала, что по молодости моей мнѣ простиительно говорить такія вещи, но что учить ее, старуху, не приходится. Я увидѣлъ, что всѣ мои доводы напрасны, что не разубѣжу я эту представительницу отжившаго поколѣнія, и замолчалъ.

II.

Подмосковный, но неизвестный на московской почтовой станціи городъ.—Дорога отъ Москвы до Вереи.—Пожаръ кабака (разсказъ ямщика).—Особенность нашихъ сельскихъ праздниковъ.—Верея и ея особенности.—Магическое превращеніе 24 верстъ въ 258.—Промышленность верейскаго уѣзда.—Мещерской сыръ.—Разведеніе луку.—Село Нары—Оминское.—Понятіе о законности у нашихъ крестьянъ (истинное происшествіе).

Цѣлью второй моей поѣздки были городъ Верея и верейскій уѣздъ. Когда я пріѣхалъ на московскую почтовую станцію и потребовалъ лошадей до Вереи, ямской староста объявилъ мнѣ, что онъ такого города не знаетъ. Созвали на совѣтъ нѣсколько ямщиковъ.

— Братцы, гдѣ такая Верея? спросилъ староста.

— Не знаемъ, отвѣчало нѣсколько голосовъ.

— Извѣстно, гдѣ бываетъ верей: въ дверяхъ, съострилъ кто-то, и все общество залилось искреннимъ, единодушнымъ хохотомъ.

— Нѣтъ, вы, братцы, толкомъ скажите, по

какому трахту, вести барина, спросилъ снова староста, когда унялся смѣхъ.

— А кто-жь его знаетъ по какому...

— Извѣстно, по трахту, гдѣ всѣ ѣздить.

— Ладно, по всѣмъ трахтамъ, такая ѣзда.

— Повеземъ, братцы, по питерскому.

— Зачѣмъ по питерскому? Лучше по рязанскому.

— Оно, Верея, не къ Можайско-ли? спросилъ кто-то.

— Да, кажется къ Можайску, отвѣчалъ я.

— Ладно, значить по Можайскѣ и вести, въ Перхушиново.

— А, можетъ, и не туда? Можетъ, по калужскому надо...

— По калужскому не рука.

— Не рука... а ты въ Вереѣ бывалъ?

— Самъ въ нее полѣзай, въ верею-то!

Долго еще проспорили ямщики, пока, наконецъ, не явился на станцію какой-то еще проѣзжій, который сказалъ положительно, что Верея лежитъ въ сторонѣ отъ смоленской дороги, и близъ Можайска, и что мнѣ нужно ѣхать въ Перхушиново. Прошло съ добрые полчаса, пока собирали телегу, закладывали лошадей, и я, наконецъ, тронулся по тряской московской мостовой. Съ непривычки, сидя въ телегѣ, невольно подражаешь англійскимъ жокеямъ, которые то и дѣло подпрыгиваютъ на сѣдлахъ своихъ скакуновъ. Здѣсь я сдѣлаю

маленькое замѣчаніе. По всѣмъ почтовымъ трактамъ, точкою отправленія которыхъ служить Москва, ближайшая къ столицѣ станція самая длинная; это весьма несправедливо. Вопервыхъ, здѣсь лошади всегда болѣе истощены частымъ употребленіемъ въ ѣзду; вовторыхъ, всегда приходится дѣлать верстъ пять или болѣе городомъ, что также утомляетъ лошадей. Неудобство это весьма легко устранить перенесеніемъ станціи въ селеніе, которое ближе къ городу, а то теперь безконечно долгою и утомительною кажется эта станція. Возьмите въ руки любую жалобную книгу, и всегда на первой отъ Москвы станціи она больше исписана и полнѣе. Удивляюсь, какъ до сихъ поръ на это обстоятельство никому не приходило въ голову обратить вниманіе, и искренно желаю, изъ сочувствія ко всѣмъ путешествующимъ, чтобы хоть теперь мои слова не пропали даромъ.

Проѣздъ по смоленскому тракту всегда значительный, такъ что нерѣдко приходится на станціяхъ довольно долго ждать лошадей, что доказываетъ только то, что здѣсь число лошадей несоизмѣрно съ числомъ проѣзжающихъ. Дорога устроена *подъ шоссе*, какъ выражаются ямщики: твердый грунтъ съ примѣсью камня, крѣпко утрамбованъ, такъ что ѣзда по нему вообще удобна; дорога довольно широкая. Часто встрѣчаются деревни, выстроенныя чисто и опрятно вдоль дороги. Въ

одной изъ деревень, на концѣ, я увидѣлъ груды угольевъ и обгорѣвшихъ пней.

— Сгорѣлъ нашъ поилецъ! произнесъ ямщикъ, указывая на груды.

— Кто это?

— Извѣстно дѣло, — кабакъ; и въ моихъ глазахъ сгорѣлъ. Ходилъ я, это, въ деревню по своей надобности; подхожу къ кабаку — никого нѣтъ; я вхожу, значить, въ кабакъ, и тамъ никого нѣтъ. Что за притча такая! Думаю однако, мѣшкать не для чего, взялъ съ полки три штофа, да за пазуху. Смотрю никто не идетъ. Только вдругъ, какъ вспыхнетъ кабакъ, — едва успѣлъ я выбѣжать; однакоже, штофы тѣ не разбилъ. На улицѣ народу-то, народу валить; смотрю — гурьбою въ кабакъ бросились, вывели бочку съ виномъ, прошибли дно и ну черпать чѣмъ попало; кто позаславѣе, да поразсудительнѣе изъ дому, на случай кабачнаго пожара, ковшъ принесъ, а кто подураславѣе, тотъ прямо пригоршней пилъ изъ бочки. Кому у бочки мѣста нѣтъ, глядь — изъ кабака штофъ вытащилъ и также довольствуется.

— Все растаскали?

— Нѣтъ, говорятъ, бочку одну спасли. И отыскался средь пожара какой-то солдатъ, сталъ у пепелища и не допускаетъ къ вину: казенныя интересы, говоритъ, соблюдаю. Только православные-то бочку опростали; отъ огня жарко, отъ

вина пуще разбираетъ, еще хлѣбнаго захотѣли: а пуще Васька Сизой подбиваетъ: таперича, братцы, сладенькаго бы хорошо. Подошли къ пепелищу, а солдатъ не пускаетъ; Сизой размахнулся, принявъ въ зубы солдата, — и не стало храбраго воина, и неизвестно, куда пропасть изволилъ.

— И ты до конца на пожарѣ оставался?

— Нѣтъ, ушелъ вонъ въ оврагъ, да дорогѣй на гумнѣ у Ключихи въ солому спряталъ штофъ, чтобъ опохмѣлиться чѣмъ было. Пришелъ на гумно, испилъ штофигъ, швырнулъ: половину другаго испилъ; вино красное, сладкое, должно полагать дорогое. Какъ я это испилъ половину-то, повалился какъ снопъ, а штофъ, значитъ, крѣпко прижалъ, чтобы онъ изъ рукъ не ускользнулъ, и захранѣлъ. Просыпаюсь я это, а штофа у меня нѣтъ; глядь — внизу валяется Бувалдинъ и около него мой штофъ разбитый лежитъ. Ужь утро было; солнцу, должно полагать, до полдень не далеко; всталъ я это голову ломить, пошелъ къ ключихину гумну; помню, что тамъ вечеръ спряталъ на похмѣлье. И такой въ этой деревнѣ народъ подлецъ, что мой штофъ подмѣтили и стащили.

— Что-же, откупъ жаловался на крестьянъ за то, что таскали вино?

— Извѣстно дѣло — побаловался; обыски дѣлали, только ничего не нашли; народъ здѣсь не дурашливый; кабацкую посуду поразбили, да позаки-

дали; у одной бабы штофъ напили, да она его молокомъ налила, такъ ничего и не подѣлали. На другой день народъ пьянехонекъ-распьянехонекъ; опохмѣлиться хочется, — нечѣмъ. Облагодѣтельствовавъ, однако, откупъ; изъ сусѣдскаго кабака ночью привезли вина, сдѣлали выставку; православные пользовались; только вино слабѣющее, не въ примѣръ съ вчерашнимъ и дороже не въ примѣръ. И три дня вся деревня, выходитъ, пила, словно ярмарка, али праздникъ какой; изъ другихъ деревень на пиршество стали ходить, такъ что, почитай, весь пожаръ выручили. Денегъ что ушло и вещей прозакладали; Бувадинъ такъ безъ шубенки и остался на зиму. Всѣмъ праздникъ былъ; одно, значить, нехорошо, что о ту пору хлѣбъ сѣять слѣдовало, и дожди были, а православны, запоздали и таперича у нихъ куда плохіе хлѣбаты! Сами взгляните!... Вотъ оно, что значить кабацкій пожаръ! окончилъ ямщикъ свой рассказъ.

Рассказъ этотъ невольно навелъ меня на размышленія о томъ, какія у насъ часто, съ виду вовсе незамѣтныя и ничтожныя причины, мѣшаютъ успѣху сельскаго хозяйства, поселяютъ нищету, даже голодъ въ цѣлой деревнѣ. При такой обстановкѣ, при такихъ воззрѣніяхъ неудивительно, что у насъ часты неурожаи, и земледѣіе стоитъ на такой низкой степени, въ дѣтскомъ возрастѣ. Возьмите даже приходскіе праздники, и въ нихъ вы

видите явную помѣху успѣхамъ сельскаго хозяйства. Церкви въ селахъ рѣдко строятся во имя какого нибудь малоизвѣстнаго святаго; большею частію онѣ въ честь св. Ильи Пророка, Николая Чудотворца, Александра Невского, Сергія Чудотворца, апостоловъ Петра и Павла, Казанской и Смоленской Божіей Матери. Замѣьте, что всѣ эти праздники приходятся въ самую рабочую пору, а не отпраздновать приходское торжество—каждый православный считаетъ неискупимымъ грѣхомъ; мало того, если праздникъ нѣкоторыхъ святыхъ, какъ напримѣръ: Николая и Сергія Чудотворцевъ, Казанской Божіей Матери, приходится два раза въ году, онѣ оба раза одинаково празднуется. Кутежъ и пьянство продолжаются не одинъ день, а цѣлую недѣлю; приниматься въ это время за работу—тяжкій грѣхъ, и еслибы нашелся какой неохотникъ до вина, который отправился бы за этимъ дѣломъ въ поле, его сначала смѣшками, а потомъ, пожалуй, и силой заставляютъ бросить это занятіе. Ну, и не удивительно, что этотъ трудолюбивый поддается общему примѣру, то-же начнетъ пить и на слѣдующій годъ уже самъ не захочетъ работать въ праздникъ; а года черезъ два поможетъ силой заставить новичка бросить работу. И этотъ обычай глубоко укоренился въ нашихъ нравахъ, такъ что вылечить отъ него весьма трудно; я сказалъ: *вылечить* не безъ намѣренія, потому что обычай

этотъ дѣйствительно болѣзнь—и болѣзнь тяжкая, отъ которой леченіе необходимо. И много такихъ болѣзней найдетъ тотъ, кто дастъ себѣ трудъ ближе взглянуть въ нашу деревенскую жизнь, въ ея неудачи....

Почтовый трактъ отъ Москвы до Вереи идетъ на Можайскъ и тянется 123 версты; но я предпочелъ со второй станціи отъ Москвы, Подлипокъ, свернуть въ сторону, поѣхать проселкомъ и такимъ образомъ выиграть около тридцати или сорокъ верстъ.

Мѣстоположеніе Вереи живописно; городъ раскинулся на вершинахъ крутой горы, внизу которой журчитъ рѣка; по ту сторону рѣки тянутся сады и среди ихъ веселенькіе домики; куда ни взглянешь, вездѣ встрѣчаешь веселый, привѣтливый пейзажъ. Но въ самомъ городѣ, сколько я могъ замѣтить, также мало жизни, движенія, хотя населеніе достаточное, въ особенности довольно богатаго купечества; торговли большой нѣтъ, кромѣ развѣ лѣсомъ и хлѣбомъ. Большая часть купечества—раскольники, и этимъ отчасти объясняется ихъ уединенная жизнь. Говорятъ, что здѣсь въ одной семьѣ случается встрѣтить нѣсколько различныхъ сектъ раскола; въ сосѣднемъ городѣ, Боровскѣ, расколъ развитъ еще сильнѣе. Верея, какъ я уже сказалъ, городъ весьма мало промышленный, да и понятно почему; онъ стоитъ совершенно въ сторонѣ: кругомъ нѣтъ

фабрикъ, или очень мало, а крестьяне уходятъ работать въ Москву. Городъ оживляется только вечеромъ, когда мѣстные жители выходятъ на прогулку къ собору, выстроенному чуть ли не въ память 1812 года. Костюмы гуляющихъ были весьма разнообразны: сюда пробрались гарибальдинки и украсили мужскія и дамскія головы; прелестный полъ, особенно принадлежащій къ кунеческому сословію, имѣетъ пристрастіе къ толстымъ золотымъ цѣпямъ, жемчужнымъ нитямъ, обвивающимъ шею и спускающимся внизъ до пояса.

Въ Вереѣ два училища, изъ коихъ подѣ одно отведено большое зданіе; къ сожалѣнію, я былъ лѣтомъ, когда курсъ ученія не продолжается, и потому лишенъ возможности судить объ успѣшности занятій и о методѣ преподаванія въ школахъ.

Верея лежитъ на границѣ калужской губерніи, и въ двадцати четырехъ верстахъ отъ нея уѣздный городъ той губерніи—Боровскъ. Казалось, сообщеніе бы легкое между этими городами; попробуйте, однако, послать письмо изъ Вереи въ Боровскъ, и письмо ваше сдѣлаетъ 20 верстъ до Можайска, 103 версты до Москвы, 35 верстъ до Подольска, 79 верстъ до Малоярославца и, наконецъ, 21 версту до мѣста своего назначенія. Вотъ какая значительная разница происходитъ, если отдають предпочтеніе ломанной линіи передъ прямой! Въ нѣкоторомъ случаѣ это, впрочемъ, весьма удобно; по-

ложимъ, вы человекъ служащій и получаете командировку отъ Вереи до Боровска; вы ѣдете всего 24 версты, а прогонныхъ получаете за 258 верстъ. Замѣьте, кромѣ этого, что, вслѣдствіе изысканно длиннаго способа сообщенія, требуется большее количество лошадей на двухъ, самыхъ проѣзжихъ трактахъ: смоленскомъ и тульскомъ; тогда какъ стоило-бы только прибавить по парѣ лошадей на верейской и боровской почтовыхъ станціяхъ, чтобы устранить это неудобство и магическое превращеніе 24 верстъ въ 258.—Частныхъ ямщиковъ въ Вереѣ весьма мало, чуть-ли не всего два или одинъ; ѣзда имъ приходится рѣдкая, и неудивительно, что, въ случаѣ запроса на услугу съ ихъ стороны, они запрашиваютъ довольно дорого. Нельзя, однако, пожаловаться на общую дороговизну въ Вереѣ; я, по крайней мѣрѣ, былъ удивленъ дешевизной за постои. Подъ городомъ, на берегу рѣки находится фабричное строеніе, принадлежащее московскому Страстному монастырю; по не состоятельности арендатора, оно теперь стоитъ пустое, а новыхъ охотниковъ арендовать его не является.

Верейскій уѣздъ довольно обширенъ; населеніе его, по большей части, занимается хлѣбопашествомъ, при чемъ одна половина уѣзда предпочитаетъ огородничество и разводитъ въ большомъ количествѣ лукъ, который продается отчасти на

мѣстѣ производства, отчасти развозится по окрестнымъ уѣздамъ и въ Москву. Я не полагаю, чтобы грунтъ земли располагалъ къ луководству особенно, потому, что лукъ принадлежитъ къ такого рода растеніямъ, которыя неслишкомъ прихотливы въ отношеніи къ грунту; скорѣе можно допустить, что разведеніе его въ верейскомъ уѣздѣ есть слѣдствіе давняго обычая, который вошелъ въ привычку. Вообще въ отношеніи къ нашей крестьянской деревенской промышленности можно сдѣлать замѣчаніе, которое будетъ вѣрно, по крайней мѣрѣ для великороссійскаго края, что у насъ въ извѣстной мѣстности преобладаетъ тотъ промыселъ или то ремесло, которые утверждены закономъ давности и переходятъ отъ отца къ сыну, отъ поколѣнія къ поколѣнію. Для примѣра стоитъ только припомнить, что есть селенія, которыя испоконъ вѣку славятся тѣмъ, что жители его занимаются живописью; другія пріобрѣли себѣ извѣстность выдѣлкой миткаля; есть деревни, гдѣ живутъ почти все сапожники и т. д. Причина этого кроется обыкновенно не въ тѣхъ условіяхъ, которыя можно было бы предполагать, судя по законамъ экономической науки: не легкость сбыта, ни удобства производительности имѣютъ вліяніе на успѣхъ и развитіе промысла, но скорѣе возможность обучиться занятію; часто сбытъ весьма труденъ и убыточенъ, потому что товаръ

переходить черезъ двое или трое рукъ, пока, наконецъ дойдетъ до потребителей, и естественно, что каждый изъ этихъ участниковъ ищетъ для себя выгоды; отъ этого происходятъ два неудобства: товаръ дорожаетъ и производители плохо вознаграждаются. Впрочемъ въ отношеніи къ верейской торговлѣ лукомъ это не имѣетъ примѣненія; здѣсь производители являются продавцами. Въ Вереѣ есть также нѣсколько вишневыхъ садовъ; вишни и крыжовникъ возятся для продажи въ Москву; вишня разводится трехъ сортовъ: владимірка, костянка и бѣлотѣлка; цѣны на нее бываютъ различны. Случается нерѣдко, что садовникъ, отправившись съ возомъ вишенъ, дорогой выпьетъ и не усмотритъ за лошадью, которая опрокинетъ возъ и превратитъ всѣ ягоды въ кисель, уже неудобный для продажи.

Между прочимъ въ верейскомъ уѣздѣ есть сырный заводъ въ имѣніи князя Мещерскаго, гдѣ производится сыръ, извѣстный во всей Россіи подъ именемъ мещерскаго. Въ селѣ Нары-Ооминское большая мануфактура г. Скуратова и Ко; одна половина этого села, прилежащая къ мануфактурѣ, имѣетъ совершенно фабричный характеръ; крестьяне почти не занимаются земледѣліемъ и, по звону колокола, нѣсколько разъ въ день собираются изъ своихъ избъ на фабрику. Фабричная жизнь придаетъ особую развязность и изгоняетъ неряшливость, столь

сродную нашему простонародію. Изъ этого, однако, прошу не выводить ошибочнаго заключенія, будто я стою за фабричную жизнь и пребываніе нашихъ крестьянъ и крестьянокъ на мануфактурахъ. Такая жизнь имѣетъ уже то громадное неудобство, что она отрываетъ отъ семьи и семейной жизни. Въ селѣ Нарахъ это еще не замѣтно, потому что крестьяне-работники на фабрикѣ живутъ съ своими семьями о богахъ съ мануфактурой; и только на работу отлучаются изъ своихъ избъ. Особенный же вредъ приноситъ фабричное занятіе тамъ, гдѣ вошло въ обычай посылать дѣтей мотать шпульки или вообще работать на фабрикѣ; пагубно это еще для нравственности дѣвушекъ, и потому дѣвушка, работавшая на фабрикѣ, обыкновенно долго не выходитъ замужъ.

Я мало имѣлъ случая говорить съ крестьянами верейскаго уѣзда, распросить объ ихъ нуждахъ, объ ихъ образѣ жизни; я ѣздилъ по деревнямъ въ такое время, когда онѣ всѣ почти были пусты и крестьяне уходили на работу, на сѣнокосъ, и жили по нѣскольку дней въ отдѣльной пустошѣ, оставляя селеніе подъ присмотромъ стариковъ, старухъ и дѣтей....

Въ заключеніе я передамъ презабавный случай, бывший со мною въ одномъ изъ уѣздовъ московской губерніи; случай, показывающій въ какой степени въ нашемъ народѣ мало развито понятіе

о законности. Мнѣ пришлось ѣхать на обывательскихъ, и я бралъ ихъ отъ одной деревни до другой, рассчитывая на однихъ лошадяхъ сдѣлать пятнадцать или шестнадцать верстъ, судя по маршруту, который былъ мнѣ выданъ изъ земскаго суда. Разъ, когда я пріѣхалъ въ село для сѣны лошадей, привезши меня крестьянинъ, лишь только я вылезъ изъ телеги, повернулъ оглобли и поѣхалъ домой. Я закричалъ ему, чтобы онъ остановился. Онъ, нехотя, исполнилъ мою просьбу.

— Куда же ты ѣдешь? Вѣдь намъ надо рассчитаться, сказалъ я.

Крестьянинъ вылезъ изъ телеги и подошелъ ко мнѣ.

— Какъ такъ рассчитаться? спросилъ онъ.

— Да, теперь о деньгахъ слѣдуетъ переговорить.

Крестьянинъ чуть не упалъ въ ноги.

— Помилуйте, батюшка, за что-же это: везъ, везъ васъ, та еще деньгами платить; ни въ чемъ я не повиненъ.

— Да и я не спрашиваю съ тебя денегъ; напротивъ, тебѣ слѣдуетъ съ меня получить.

— Съ васъ? за что-же, батюшка?

— Какъ за что? А за то что везъ. Видишь ли, мы съ тобой сдѣлали по расчету земскаго суда шестнадцать верстъ: такъ-ли?

— Должно быть, такъ.

— Ну, на пару за шестнадцать верстъ, по двѣ съ половиною копѣйки за версту, приходится восемь гривенъ; вотъ—получи.

— Нѣтъ, я этихъ денегъ не возьму; можетъ, за нихъ въ отвѣтственность еще пойдешь, а лучше, коли милость будетъ, то такъ на чаекъ пожалуйте.

— Да вѣдь эти деньги слѣдуютъ тебѣ по закону; я не смѣю не дать ихъ; не смѣю и даромъ ѣздить.

— Нѣтъ, батюшка, вы ужь въ грѣхъ не вводите; не съ первымъ съ вами по казенной надобности ѣзжу.

И сколько я ни говорилъ, сколько я не уѣждаль, крестьянинъ остался при своемъ—и отказался принять прогоны.

10-го августа.

III.

МОЖАЙСКЪ.—Гостинница въ немъ.—Ямщики и ямской промыселъ.—Бородино.—Замѣчательная монастырка.—МОЖАЙСКІЕ поросята.—Извозничій промыселъ въ Москвѣ.—Ковъ-что о волкахъ.—Выгодная и полезная выдумка для сельскаго хозяйства.

О дорогѣ отъ Москвы до Можайска, мнѣ почти нечего рассказывать, послѣ того, что я уже сказалъ объ ней, говоря о моей поѣздкѣ въ Верею. Обѣ половины дороги—та, о которой я говорилъ, и та, которая идетъ далѣе до Можайска, ничѣмъ не отличаются одна отъ другой. Поэтому я въ своихъ замѣткахъ перехожу прямо къ городу. Можайскъ—очень привѣтный, веселый городокъ, и на видъ несравненно красивѣе Волоколамска, Воскресенска и Верей. Здѣсь вы встрѣтите много каменныхъ домовъ, на улицахъ чисто; вообще, вы при самомъ въѣздѣ въ городъ легко догадаетесь, что это не село. Причиною тому, мнѣ кажется, положеніе горо-

да на почтовомъ трактѣ и то, что въ уѣздѣ его живетъ много помѣщиковъ. Въ Можайскѣ проѣзжающему нѣтъ надобности отыскивать постоялаго двора: тамъ есть гостинница, содержащая довольно чисто и представляющая всѣ удобства для путешественника: хорошія, свѣтлыя комнаты, очень изрядный столъ и хорошій винный погребъ; есть даже большая общая зала, гдѣ стоитъ фортепіано. Все это такія удобства, которыми пользуется весьма малое число нашихъ уѣздныхъ городовъ; въ большинствѣ изъ нихъ, вы можете умереть съ голоду или жажды, и если у васъ нѣтъ знакомыхъ между городскими жителями, вамъ приходится довольствоваться самой скудной и часто не свѣжей пищей на постоянныхъ дворахъ; будьте вы богаты какъ Крезъ—это все равно; и за деньги не достанете того, что составляетъ потребность далеко не прихотливаго желудка. Впрочемъ, это весьма естественно: наши уѣздные города съ одинаковымъ удивленіемъ смотрятъ и на комету, и на заѣзжаго незнакомца; зачѣмъ онъ въ самомъ дѣлѣ поѣдетъ въ уѣздный городъ, лежащій въ глуши, въ сторонѣ отъ почтовой дороги? Съ цѣлью изучать Россію—не ѣздить, съ цѣлью туриста также нѣтъ, потому что туристы наши нуждаются въ комфортахъ, въ развлеченіяхъ; а развѣ есть что нибудь подобное въ уѣздныхъ городахъ? Заѣзжіе сюда принадлежатъ къ двумъ классамъ: это или помѣщики,

пріѣхавшіе по дѣламъ, или чиновники высшихъ инстанцій, ревизоры, пріѣхавшіе на слѣдствіе, на ревизію. Но какъ тѣ, такъ и другіе не нуждаются вовсе въ трактирахъ; у первыхъ всегда есть знакомые между служащими въ уѣздномъ и земскомъ судахъ; для этого, наконецъ, живетъ въ городѣ исправникъ. Что касается до вторыхъ, то они могутъ быть въ полной увѣренности, что для ихъ угощенія не пожалѣютъ денегъ и, если чего нельзя достать въ городѣ, пожалуй, выпишутъ изъ губернскаго. И такъ Можайскъ своей гостинницей совершенно исключительно обязанъ тому, что онъ стоитъ на большой, проѣзжей дорогѣ. Нельзя сказать, чтобы можайскіе жители пренебрегали этимъ удобствомъ: въ гостинницѣ почти всегда есть кто нибудь закусывающій. Зимой въ большой залѣ поютъ цыгане, играетъ оркестръ евреевъ, а нѣсколько лѣтъ тому назадъ давались спектакли съ благотворительною цѣлью, о чемъ можайскіе жители вспоминаютъ съ особымъ удовольствіемъ.

Но не одной гостинницей и не одной исторической славой замѣчателенъ Можайскъ; если въ немъ нѣтъ и слѣда мануфактурной промышленности, за то въ немъ есть библіотека, чѣмъ можетъ похвастаться весьма ограниченное число нашихъ уѣздныхъ городовъ. Въ Можайскѣ есть цѣлая улица или слобода ямщиковъ, которые нѣсколько лѣтъ тому назадъ причислены къ вѣдомству удѣльныхъ

крестьянъ. Ямскимъ промысломъ заниматься—невыгодно; проѣзжающихъ нѣтъ, ну, и гордятся ямщиками только занятіемъ своихъ отцовъ, да дѣдовъ; сами же всѣ хлѣбопашцы. Кажется, императрица Екатерина II подарила имъ лѣсъ въ верейскомъ уѣздѣ, лѣсъ богатый, которымъ мнѣ довелось проѣзжать. Съ распространеніемъ желѣзныхъ дорогъ, ямской промыселъ въ Россіи дѣлается невыгоднымъ не только по тому тракту, который замѣненъ желѣзнымъ путемъ, но и по всей окрестности. Это дало поводъ нѣкоторымъ изъ нашихъ доморощенныхъ экономистовъ взывать противъ желѣзныхъ дорогъ и говорить о вредѣ, который онѣ будто бы наносятъ цѣлому сословію ямщиковъ. Я предлагаю этимъ ученымъ обратить вниманіе на ямщиковъ петербургско-московскаго тракта и города Можайска. Ни одинъ изъ нихъ не умеръ съ голоду, ни одинъ не остался безъ занятій. Страна, напротивъ, выиграла отъ прибыли хлѣбопашцевъ; еслижъ нашлись такіе, которымъ не нравилось новое занятіе, то они уходили на другіе тракты и занимались тамъ. Не думаю, чтобъ можайскіе ямщики много горевали о перемѣнѣ своего образа жизни, а жены семейства, разумѣется, отъ этого въ выигрышѣ; прежде они и не видѣли своего мужа, отца, или видали усталого, сердитаго, пьянаго; теперь онъ работаетъ съ ними и не всегда сердитъ, не всегда пьянъ. Что пьянство развито

въ средѣ ямщиковъ, болѣе чѣмъ гдѣ нибудь, объ этомъ, я думаю, и спорить никто не станетъ, потому что это не подлежитъ сомнѣнію; въ пьянству располагаютъ и рочевая жизнь, и прихоть проѣзжающихъ, и мелкія деньги, и разлука съ семьей; однимъ словомъ, — все, чѣмъ окруженъ ямщикъ.

Въ Можайскомъ уѣздѣ, кажется, въ двѣнадцати верстахъ отъ города, лежитъ извѣстное по связаннымъ съ нимъ историческимъ воспоминаніямъ, село Бородино; объ немъ не разъ говорилось въ печати, и потому я не буду долго останавливаться надъ этимъ мѣстсмъ. Тутъ есть и дворецъ, и памятникъ, и по прежнему окрестные крестьяне собираютъ ядра, осколки бомбъ въ полѣ и продаютъ ихъ *ad libitum*; но вѣдь это не Маджента, не Сольферино, и желающихъ видѣть бородинское поле, приобрести съ него ядро, пулю, очень мало. Основанный генеральшею Тучковою женскій монастырь процвѣтаетъ; два раза въ годъ бываютъ ярмарки, или торги по случаю храмовыхъ праздниковъ и тогда съѣзжается все, что только живетъ въ Можайскомъ, рузскомъ и верейскомъ уѣздахъ; пріѣзжаютъ и изъ пограничной смоленской губерніи. Число монахинь въ монастырѣ весьма значительно; особое вниманіе останавливала здѣсь на себѣ нѣкогда одна молодая дѣвушка изъ знатной фамиліи, владѣтельница богатаго состоя-

нія, которую кто-то изъ родственниковъ, чуть-ли даже не мать еще ребенкомъ помѣстила въ монастырь. Ужь, конечно, она была монахиней не по призванію, и нельзя не посѣтовать на тѣхъ родителей, родственниковъ, которые полагаютъ, что достаточно черной одежды, чтобы человѣка сдѣлать религіознымъ, заставить отрѣчься отъ всего мірскаго. А эта дѣвушка, отданная въ обитель ребенкомъ, не видавшая ни свѣта, ни жизни, развѣ могла она привязаться сразу къ уединенію, развѣ въ ней не должно было подѣ-часъ пробуждаться желаніе узнать, что дѣлается тамъ, за стѣнами монастыря; также ли однообразно живутъ тамъ люди; не пробуждалась ли въ ея дѣвственной душѣ потребность иной жизни.

Крестьяне можайскаго уѣзда занимаются хлѣбопашествомъ и разводятъ поросятъ. Можайскіе поросята въ славѣ, хотя по общимъ отзывамъ любителей и знатоковъ, въ послѣднее время можайскіе поросята сильно упали въ достоинствѣ мяса. Да и отчего, въ самомъ дѣлѣ, можайскимъ поросятамъ быть лучше всѣхъ другихъ дѣтей свинаго племени? Порода ихъ самая обыкновенная; ни за уходомъ, ни за кормомъ не слѣдитъ никто; здѣсь, какъ и вездѣ, поросята ѣдятъ что попало и чаще кормятся въ полѣ, нежели около домовъ: какія же условія ихъ превосходства? — Я полагаю, что и самая слава при-

обрѣтена можайскими поросятами не законно: какойнибудь московскій Лукулъ составилъ ее, и вотъ въ трактирахъ вездѣ, желая прихвастнуть о поросенкѣ, говорятъ: настоящій можаецъ! Да и спросить бы я у всѣхъ знатоковъ свинаго мяса: почему, по какимъ особымъ отличіямъ узнаютъ они можайскаго поросенка?

Кромѣ фабричной промышленности, для занятія которой можайцы уходятъ въ Москву, здѣшніе крестьяне, а также звенигородскіе, воскресенскіе занимаются извозничествомъ въ Москвѣ. Окрестность села Гаретова, въ можайскомъ уѣздѣ, почти сплошь населена извозчиками, которыхъ должно раздѣлить на два разряда: къ первому принадлежатъ живущіе круглый годъ въ Москвѣ; ко второму — занимающіеся этимъ промысломъ лишь въ теченіи зимы, савнаго пути; впрочемъ, и первые часто уходятъ лѣтомъ въ деревню недѣли на три или на мѣсяцъ во время большихъ работъ. Крестьяне-извозчики не живутъ у хозяевъ большой руки, держащихъ кареты, коляски; тамъ больше кучера и дворовые люди; крестьяне же, въ случаѣ крайней бѣдности, живутъ у хозяевъ мелкой руки, держащихъ трехъ, пять и до десяти лошадей; при первой возможности, они начинаютъ ѣздить отъ себя, заводятъ свои сани, сбрую; приводятъ изъ деревни доморощенную сивку или пѣгашку и становятся хозяевами. По большей части у нихъ нѣтъ

постоянной квартиры, но они нанимаютъ на постояломъ дворѣ или у извозчиковъ стойло для лошади и себѣ мѣсто на печи за 30 коп. сереб. въ недѣлю. При размѣщеніи въ Москвѣ по постояннымъ дворамъ, извозники группируются такъ, чтобы вмѣстѣ стоять нѣсколькимъ изъ одной окрестности. Какъ только извозникъ попривыкнетъ къ своему промыслу, увидитъ, что дѣло идетъ хорошо, онъ заводитъ другую упряжь и требуетъ изъ деревни присылки младшаго брата или сына съ лошадью и заставляетъ его такъ же ѣздить, сначала на полной отчетности, требуя, чтобы вся выручка была вечеромъ ежедневно отдана сполна. Младшаго брата или сына на лѣто онъ отпускаетъ въ деревню и посылаетъ съ нимъ деньги. Легковой извозникъ, ѣздящій отъ себя, на простой упряжи, можетъ выработать въ годъ чистаго дохода 125 рублей. Тѣ, у которыхъ три и четыре лошади, нанимаютъ уже работниковъ и выбираютъ себѣ мѣсто для постоянной стоянки днемъ: на биржу они не выѣзжаютъ, а становятся гдѣ нибудь на углу дома, гдѣ для того, чтобы ихъ не отгоняли, помогаютъ дворнику мести тротуаръ или угощаютъ его чаемъ въ трактирѣ; даромъ ни одинъ дворникъ въ Москвѣ не позволитъ извозникамъ стоять у своего дома. На углу извозникъ пріобрѣтаетъ знакомыхъ между живущими въ окрестности и

вмѣстѣ съ этимъ считаетъ себя въ правѣ брать уже дороже за ѣзду. Скоро, однако, и эта биржа его не удовлетворяетъ: онъ отправляется къ подъяздамъ присутственныхъ мѣстъ, гдѣ, обыкновенно, три раза въ годъ собирается по 20 коп. съ каждого извозчика въ пользу сторожей и швейцаровъ. Недовольный этимъ, онъ уже пробирается къ подъяздамъ трактировъ и гостинницъ, гдѣ плата гораздо дороже и идетъ уже не въ пользу прислуги, а самому хозяину, содержанию ресторана или отеля. Вотъ гдѣ кроется причина тѣхъ жалобъ, которыя мнѣ приходилось не разъ слышать на дороговизну извозчиковъ, стоящихъ подлѣ трактировъ: они берутъ свои мѣста на откупъ и естественно должны заботиться о томъ, чтобы возможно скорѣе съ избыткомъ вернуть откупной расходъ. Рѣдкіе изъ извозчиковъ идутъ дальше этого и дѣлаются хозяевами большихъ заведеній, для которыхъ нужны большой капиталъ и еще большій кредитъ. Почти всѣ московскіе извозчики хозяева такого рода не начинали тѣмъ способомъ, который я здѣсь привелъ. — Кромѣ этого, есть еще ночные-парные извозчики, ѣздящіе въ пошевняхъ; они пріѣзжаютъ только на зиму и вырабатываютъ сравнительно больше. Типъ лихача не свойствененъ Можайцу: это большею частію подмосковные крестьяне, долго жившіе въ Москвѣ. Замѣчательно, что можайскіе ямщики не обратились къ промы-

слу, который болѣе всего сходенъ съ ихъ прежнимъ занятіемъ. Между ними весьма мало извошниковъ, даже почти вовсе нѣтъ.

Въ Можайскомъ уѣздѣ, не смотря на близость его къ Москвѣ, уцѣлѣло еще довольно лѣсовъ, въ которыхъ, какъ и во всѣхъ русскихъ лѣсахъ водится добропорядочное количество волковъ, дѣлающихъ набѣги на стада и деревни. Отъ волковъ страдаютъ почти всѣ наши деревни и страдаютъ молча, какъ будто такъ и слѣдовало быть, будто иначе и не могло случиться и избавиться отъ волковъ нѣтъ никакой возможности. Конечно, мы не въ Великобританіи, и намъ нельзя совершенно игнорировать это хищное племя: но стчего же не принимать хоть какія нибудь мѣры, чтобы помѣчь этому злу? Правительство, кажется, назначало награду тому, кто доставлялъ уши и хвостъ волка въ доказательство одержанной побѣды. Впрочемъ, давно уже не слыхать о выдачѣ такой награды.—Изъ этого, однако, никакъ не слѣдуетъ выводить заключенія, что волки совсѣмъ перевелись; напротивъ, съ каждымъ годомъ они дѣлаются смѣлѣе и смѣлѣе и входятъ прямо на дворъ крестьянскихъ избъ; они не довольствуются теперь уже овцами, но рѣжутъ и коровъ. Охота на медвѣдя у насъ въ ходу и ею любятъ потѣшаться наши бары; въ Москвѣ даже въ прошломъ году основалось обще-

ство любителей охоты, которые вѣдять не то извѣщать Москву отъ медвѣдей, не то потѣшиться облавой. Отчего бы нашимъ барамъ, фермерамъ, которые скоро должны распространиться по всей Россіи, не составить изъ себя нѣсколько обществъ, которыя общими усиліями старались бы очистить по крайней мѣрѣ тотъ участокъ, въ которомъ они живутъ. Это было бы и полезнѣе, и, я полагаю, доставляло бы не менѣе наслажденія собачьей травли зайцевъ. Но какое-то тайное предчувствіе говоритъ мнѣ, что совѣтъ этотъ подаю я даромъ.

Кажется, въ Можайскомъ, если не ошибаюсь, уѣздѣ рассказывали мнѣ о весьма выгодной и полезной выдумкѣ одного помѣщика. Онъ купилъ себѣ, кажется, паровикъ и молотилку; но какъ сдѣланный на это расходъ былъ для него великъ, то онъ сталъ предлагать сосѣдямъ пользоваться его машиной, уплачивая по 30 коп. за день работы. Предложеніе его было принято съ радостью и молотилка скоро окупилась. Это мысль—о которой нельзя не отозваться съ похвалой; пусть въ каждой мѣстности найдется помѣщикъ, готовый на такое предпріятіе, и самые закоренѣлые крѣпостники должны будутъ согласиться, что есть средство гораздо выгоднѣе заниматься сельскимъ хозяйствомъ и безъ обязательнаго труда. Я слышалъ, впрочемъ, что примѣръ можайскаго помѣщика не остался безъ послѣдователей и что въ харьковской

и черниговской губерніяхъ недостаточные землевладельцы имѣютъ возможность на такихъ же условіяхъ пользоваться машинами при отправленіи сельско-хозяйственныхъ работъ.

15-го августа
1861 года.

IV.

Дорога до Рузы.—Руза.—Сплавъ лѣса въ Москву.—
Новаторъ въ волостномъ правленіи.—Разбойники и
вліяніе ихъ на русскаго крестьянина.—Разночищій
промыселъ въ Петербургъ и Москвѣ.

Едва ли можно найти еще гдѣ нибудь, кромѣ
развѣ въ окрестностяхъ Нерчинска, болѣе неудоб-
ную для ѣзды дорогу, какъ отъ Москвы до Звени-
города, на который нужно ѣхать, чтобы попасть
въ Рузу. Кажется, здѣсь все соединено, чтобы
сдѣлать дорогу несноснѣе и мучительнѣе: недоста-
токъ лошадей на станціяхъ, хилость лошадей, по-
стоянные ухабы, рытвины, колеи... однимъ сло-
вомъ, не приведи Богъ ни мнѣ, ни врагу моему
испытать это удовольствіе. И что всего удиви-
тельнѣе; говорятъ, что зимою дорога нисколько
не лучше. Впрочемъ, по этой дорогѣ мало кто и
ѣздитъ: всѣ предпочитаютъ сдѣлать крюкъ и ѣдутъ
по Можайскъ до послѣдней станціи подъ городомъ
и потомъ сворачиваютъ вправо, проселкомъ, лѣ-
сами до самой Рузы. Городъ небольшой и ничѣмъ

не замѣчательный; расположенъ онъ на одномъ изъ скатовъ горы; строенія красивыя; о фабрикахъ или мануфактурныхъ заведеніяхъ и помину нѣтъ, — ихъ нѣтъ въ уѣздѣ. Городъ стоитъ при рѣкѣ Рузѣ, по которой сплавляютъ лѣсъ въ Москву рѣку. При видѣ этой воды мнѣ невольно вспомнился сплавъ прошлой весны, сплавъ, надѣлавшій много шуму, и не смотря на то, скрывшій отъ публики свои окончательные результаты. По всей вѣроятности отъ недосмотра рѣчной судоходной депутаціи, сплавъ лѣса, пришедъ по четыремъ рѣкамъ въ Москву, произвелъ большую суматоху. Плоты столкнулись, разбились; рѣка совсѣмъ запрудилась бревнами, досками, дровами, которыхъ выкидывало на берегъ. Положеннаго закономъ клейма для означенія имени владѣльца дерева не оказалось и москворѣцкіе жители, конечно, не приминили воспользоваться счастливымъ случаемъ заготовить себѣ на зиму даровыхъ дровъ. У кого только были руки, тотъ таскалъ выплывавшія на берегъ дрова; были такіе любители, которые на лошадяхъ пріѣзжали за бесплатнымъ топтивомъ. Сумятица продолжалась долго. Наконецъ, рѣшились прекратить ее: кажется, было произведено изслѣдованіе, но раскрыло ли оно что нибудь, неизвѣстно, такъ, что и до сихъ поръ москворѣцкіе жители въ большомъ недоумѣніи, кого имъ благодарить за дрова; впрочемъ, большая часть изъ нихъ ис-

временно признательна рѣчной судоходной депутаціи и задаетъ себѣ вопросъ: не повторится ли и въ слѣдующемъ году такая же продѣлка?

Въ уѣздъ изъ Рузы я выѣхалъ по направленію къ Можайску, и въ первой деревнѣ, въ которой мнѣ пришлось оставаться, было волостное правленіе. Я вошелъ въ довольно чистую избу, которая принадлежала самому головѣ, сыну очень зажиточнаго крестьянина; въ избѣ сидѣло двое молодыхъ людей, одѣтыхъ щеголевато и пили чай. Оказалось послѣ первыхъ распросовъ, что это голова и волостной писарь; послѣдній былъ рыжій паренъ съ умнымъ, но нѣсколько плутоватымъ выраженіемъ лица.

— Ты здѣшній? спросилъ я его.

— Я не крестьянинъ, отвѣчалъ онъ.

— Кто же ты?

— Рузскій мѣщанинъ.

— А сюда какъ попалъ?

— По найму; я издавна письмомъ занимаюсь, въ думѣ служилъ и всякіе стрікулятскіе порядки не хуже секретаря или столоначальника знаю. Просьбы и тѣ умѣю сочинять всякія, прибавилъ онъ, замѣтивъ, что я не совсѣмъ ему довѣряю.

— Зачѣмъ же ты въ волость пошелъ служить?

— Извѣстно дѣло, здѣсь выгоднѣе; оно, конечно, на первыхъ порахъ, пока крестьянство не приобыкло, дѣло не совсѣмъ такъ выходить, ну,

а со временемъ, когда значить, здѣсь такіе же порядки введемъ, какъ у государственныхъ имуществъ—житье важнецкое будетъ. Тамъ писарямъ до чрезвычайности вольготно.

— А скоро надѣешься ты до такого порядка довести? спросилъ я у новаго преобразователя.

— Какъ Богъ дастъ; народъ хорошій, ладить можно.

— Ну, а теперь пока, сколько же ты получаешь?

— Не много; пятьдесятъ рублей на своихъ харчахъ; да съ бумаги по пяти копѣекъ.

— Съ какой бумаги?

— Извѣстно, со всякой, что въ правленіе поступаетъ отъ крестьянъ; съ паспортовъ тоже.

— Это зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ, теперича въ Москвѣ въ полиціи и то такой порядокъ введенъ. Мы, баринъ, всякіе порядки знаемъ; я ужь говорю, на счетъ стрикулятскихъ дѣлъ промаху не дадимъ.

— Но, сколько же по твоему расчету ты получишь въ мѣсяцъ?

— Дѣло еще вновь, потому до точности опредѣлить нельзя, а извѣстно дѣло, въ эту должность я изъ расчета пошелъ; не для чего было изъ городу уѣзжать, въ деревню закабалиться.

Подали самоваръ; писарь не позволилъ мнѣ распоряжаться своимъ чаемъ, назвалъ это обидой и

угостилъ на свой коштъ, какъ онъ выражался. Тяжелое впечатлѣніе вынесъ я изъ этой избы; грустно мнѣ стало, что и въ это новое учрежденіе замѣшался у насъ духъ подъячества; неужели, спрашивая я себя, изъ цѣлой волости, около двухъ тысячъ человѣкъ, не нашлось ни одного годнаго для исправленія должности писаря; неужели необходимо было прибѣгать къ найму мѣщанина? Впрочемъ, этотъ послѣдній, можетъ, потому и выбранъ, что онъ знаетъ стрікулятскіе порядки, отъ которыхъ дай Богъ избавиться поскорѣе. И вотъ доморощенный реформаторъ заботится о томъ, чтобы эти стрікулятскіе порядки примѣнить къ дѣлу и достигнуть того положенія, ~~которымъ пользуются волостныя правленія~~ крестьянъ государственныхъ ~~имуществъ~~. Онъ, конечно, не въ состояніи опредѣлять—хорошъ или дуренъ его идеалъ; его просто прельщаетъ въ немъ умѣніе располагать административной властью и награждать свои труды. Съ этого онъ и начинаетъ свою реформу; онъ не просто беретъ жалованье, а налагаетъ косвенные платежи, подражая порядку, принятому въ столичной полиціи. Не думаю, чтобы эти реформы подѣйствовали благотворно на крестьянъ. Вообще впечатлѣніе разговора съ писаремъ, какъ я уже сказалъ, было самое грустное для меня. Голова, молодой человѣкъ, выбранный въ эту должность, кажется, единственно потому, что былъ

сынъ зажиточнаго крестьянина, совершенно подчинился писарю, сознавая превосходство послѣдняго; это замѣтно было, какъ изъ ихъ обращенія между собою, такъ и изъ того почти раболѣпнаго вниманія, съ которымъ онъ слушалъ писарскія разсужденія. Это еще болѣе расположило меня къ грусти и въ то же время придавало реформатору особую нахальную гордость, въ которой легко было узнать довольство и сознаніе своего превосходства. Я бы желалъ подслушать, какъ писарь вразумляетъ, даетъ наставленія головѣ, какъ онъ ему объясняетъ тайны распорядительнаго значенія стривульскихъ порядковъ; а что онъ это дѣлаетъ, я не сомнѣвался ни минуты; я даже думаю болѣе, что онъ въ праздники или вечеромъ на досугѣ прельщаетъ такими разсказами другихъ крестьянъ; мужички наши большіе охотники послушать краснбая, о чемъ бы онъ ни говорилъ; часто запоминаютъ они даже слова его и повторяютъ ихъ. Бѣда если они довѣрчивы; за постояннымъ, тяжелымъ трудомъ, имъ некогда хорошенько обсудить все, что имъ наговорятъ, взвѣсить каждое слово; они вѣрятъ и непреложно принимаютъ за истину обращенную къ нимъ рѣчь. Ну, если на десять новыхъ волостей по одному такому писарю нововодителю, вѣдь плохо будетъ; много зла могутъ они наѣлать.

Между этой деревней и городомъ мнѣ пришлось ѣхать ѣсомъ; крестьянинъ, возшій меня, обратился ко мнѣ съ замѣчаніемъ:

— Вотъ тапереча безопасно здѣсь ѣхать.

— А развѣ было опасно? спросилъ я.

— Лѣтъ десять назадъ, опасно; жили здѣсь четыре разбойника и прохождоу никому не давали; всѣхъ грабили; вечеромъ, это, поѣдешь изъ городу, лошадь безпремѣнно уведутъ, шубу снимутъ, да чего добраго еще исколотятъ, если супротивляться станешь.

— И рѣзали они?

— Нѣтъ, рѣзать, не рѣзали, потому не для чего. Дорога проселочная, значить, богатѣйшіе люди не ѣзятъ; все нашъ братъ; убьешь, скорѣй розыщутъ, становой, или исправникъ слѣдить станутъ; убивать не для чѣго; опять зарѣжешь, снимешь съ него всё, поживы только и есть; а въ живыхъ оставишь, и другой, и третій, и десятый разъ можно опять ограбить.

— Ну, ты встрѣчался съ ними?

— Я-то нѣтъ, а у отца лошадей угнали.

— Такъ и не нашли?

— Гдѣ жъ у воровъ найти.

— Да вѣдь лошади, чай, примѣтныя были?

— Извѣстно примѣтныя, а только съ воровъ ничего не подѣлаешь.

— И долго шалили они?

— Да, года четыре, али никакъ больше.

— Что-же вы ихъ не ловили?

— Развѣ вора скоро поймаешь; воръ хитеръ, не то, что простой крестьянинъ.

— Такъ и не поймали?

— Нѣтъ, схватили; на выдумку тоже пустились; пошли человекъ тридцать, а двое ѣдутъ въ телегѣ, да притворились пьяными, горлавать пѣсни, а сами съ дубьемъ сидятъ. Воры-то повыскачили, да на нихъ; они кричатъ, да драться; наши подоспѣли и схватили двоихъ воровъ, а двое убѣжали. Ишь ты, народъ какой хитрый; одинъ воръ хромой, а другой изъ нашей же деревни, лѣсникомъ былъ, лѣсъ стерегъ.

— Какъ же его не узнавали ограбленные?

— А какъ узнаешь? Онъ больше на пьяныхъ нападалъ; опять какъ грабютъ, тутъ тебѣ человекомъ страшнѣющимъ покажется; отца, кажись, и того въ этомъ случаѣ не узнаешь.

— Отчего же вы прежде-то не догадались поймать воровъ?

— Больно ты, баринъ, скоро всякія хитрости выдумываешь. Да и тутъ, поймавши вора не слишкомъ радъ будешь: оговоры пошли, ставки, слѣдствія; съ годъ еще пропутали, потомъ на самомъ на этомъ мѣстѣ ихъ къ кобылѣ привязывали и наказывали.

Изъ русскихъ крестьянъ много фабричныхъ, большею частію живущихъ на сторонѣ, въ Москвѣ, и приходящихъ въ деревню только лѣтомъ, на рабочее время; извозниковъ очень мало, но есть разношники. Съ однимъ изъ занимающихся послѣднимъ промысломъ мнѣ довелось ѣхать верстъ пятнадцать.

— Въ Москвѣ разношничать не выгодно, говорилъ онъ; въ Петербургѣ, не въ примѣръ лучше, особливо фруктами или сластями; въ Питерѣ и цѣны, и запросъ другой; въ Москвѣ стоитъ тебѣ, къ примѣру сказать, десятокъ апельсиновъ сорокъ копѣекъ, запрашивай рубль двадцать, ну, шесть гривенъ дадутъ; въ Питерѣ восемь гривенъ запрашивай, а за три четвертака вѣрно продашь. Въ Москвѣ изъ-за всякой копѣйки два часа клянешься. Опять ранними фруктами, въ Питерѣ лафа торговать, въ Москвѣ и не купятъ. Впрочемъ, насчетъ цѣны, только когда товаръ вновь, большой барышъ наживешь, а пошли имъ всѣ торговать, знаютъ цѣну; хоть ты, что не проси, а тебѣ больше настоящаго не дадутъ, еще только обругаютъ. Весной тоже, въ Питерѣ, на ученье кадетъ выведутъ, всё продашь съ барышемъ; въ Москвѣ къ кадетамъ и не суйся.

— Ну, и рыбой или дичью ты также торгуешь? спросилъ я.

— Какъ же, и завсегда зимою этимъ торгуемъ; рыбой выгоднѣе, потому на неё настоящей цѣны нѣтъ, и дичь какъ пошла тридцать копѣекъ пара рябчиковъ, такъ никто тебѣ полушки не дастъ больше. Зеленью опять расчетъ свой должно имѣть; зеленью въ Москвѣ выгоднѣе, потому тамъ зеленыхъ лавокъ мало, одна только канитель; торгуешься долго.

— Ну, много ты выручишь въ годъ?

— Какъ придется. Вотъ я до этого лѣта четыре года въ Питерѣ жилъ безвыѣздно, рублей по сту, по сту двадцати выхаживалъ.

— Ну, а въ Москвѣ меньше зарабатываешь?

— Извѣстно дѣло меньше; тамъ и восемь десятковъ хорошо. Да я не однимъ этимъ занимался; жила я и въ прикащикахъ въ лавкахъ зеленыхъ въ Питерѣ, на Гороховой, у Каменнаго моста; только оно не выгодно, потому надо къ этому дѣлу очень привыкши быть и всѣ сноровки знать, какъ учетъ сдѣлать, чтобы хозяинъ или главный прикащикъ не замѣтили.

— Да зачѣмъ же учетъ-то дѣлать.

— Какъ же не дѣлать? жалованьемъ однимъ не проживешь! Да оно, признаться, и не люблю я этого, потому къ разночиществу чувствуешь болѣе склонности, что тамъ самъ себѣ хозяинъ; отчета никому не надо отдавать.

Въ моихъ замѣткахъ многіе вѣроятно найдутъ неточности или пропуски, но отъ того я и называлъ ихъ просто замѣтками, что вовсе не задавалъ себѣ задачи представить полную характеристическую картину жизни и промышленности извѣстнаго уѣзда: вопервыхъ, для этого слишкомъ поспѣшно объѣзжалъ эти мѣстности и цѣль моей поѣздки была болѣе туристская, что, вѣроятно, нѣкоторымъ читателямъ покажется весьма страннымъ, потому что какой-же туристъ станетъ ѣздить по нашимъ уѣзднымъ городамъ, деревнямъ и селамъ. Какъ могъ усмотрѣть читатель, я туристъ оригинальный и своеобразный. Въ одномъ старался я быть вѣрнымъ: въ передачѣ всего, что слышалъ, видѣлъ и наблюдалъ во время моей поѣздки.

V.

Троицкая живая дорога и ожидаемыя отъ нея удобства. — Куда уходятъ деньги богомольцевъ? — Главный промыслъ жителей Троицкаго посада. — Нищенство, какъ ремесло. — Юродивые. — Гаврилушка. — Производство детскихъ игрушекъ. — Базары. — Гостинница. — Постоялые дворы. — Богатство монастыря. — Школа живописи и нѣсколько словъ о нашихъ иконописцахъ. — Святая вода по казенной цѣнѣ. — Лѣса въ окрестностяхъ посада.

Бто въ Москвѣ не знаетъ Троицкаго посада и кто не ѣзжалъ, и не ходилъ туда на богомолье? Но вѣдь эти путешествія, не болѣе какъ прогулки; рѣдкій посѣтитель посада соглашается познакомиться съ Троицею не по одной гостинницѣ и Лаврѣ и то мимоходомъ. Я же, напротивъ, старался изучить жизнь Троицкаго посада, особенности его общественнаго положенія и отношенія. Прежде всего мнѣ слѣдовало бы сказать нѣсколько словъ о дорогѣ до Троицы изъ Москвы. На дняхъ начались работы на желѣзной дорогѣ, которая, какъ достоверно извѣстно, откроется чрезъ два года. Мѣсто для вокзала въ Троицѣ выбрано очень удачно; на-

чало работъ было отпраздновано съ подобающею роскошью. Послѣ молебствія, данъ былъ великолѣпный обѣденный столъ, на которомъ былъ избытокъ въ свѣжихъ фруктахъ, покупка которыхъ, вѣроятно обошлась очень дорого. Кому? спросите можетъ быть вы, акціонерамъ или учредителямъ? Не знаю, и потому ничего не говорю. Желѣзная дорога до Троицы составляетъ часть ярославской дороги, и потому она можетъ служить однимъ изъ путей для доставки товаровъ на Нижегородскую ярмарку, принимая, разумѣется; во вниманіе то, что отъ Ярославля товары пойдутъ до Нижняго Волгой, и что компанія желѣзной дороги или учредить свое пароходство, или войдетъ въ соглашеніе съ существующими пароходными компаніями о дешевой доставкѣ грузовъ на ярмарку. Троицкая дорога можетъ соперничать съ Нижегородскою (т. е. отъ Москвы до Нижняго): надо только, чтобы учредители ея добросовѣстно принялись за свое дѣло и менѣе рассчитывали на скорыя, временныя выгоды. Подыметъ ли чугунокъ благосостояніе жителей посада? Трудно опредѣлить; и теперь въ Троицѣ ежегодно бываетъ до ста тысячъ богомольцевъ, а между тѣмъ вы не замѣтите особеннаго довольства въ жизни обывателей посада; ни одежда, ни убранство домовъ, ничто не показываетъ вамъ, чтобы богомольцы содѣйствовали благосостоянію троицкихъ жителей. Отчего это происходитъ! Мнѣ кажется, преимущест-

венно отъ того, что посѣтителѣ посада расходуются главнымъ образомъ на монастырь и, на постоянные дворы. Монастырь дѣйствительно колоссально богатъ.

Постоялые дворы содержатся дворниками, большею частью, пришельцами, снимающими дома на аренду. Дворники, набивъ себѣ карманъ, уходятъ изъ Троицы къ себѣ на родину, и тамъ проживаютъ скопленный капиталъ или сставляютъ его своимъ дѣтямъ, которые дѣлаютъ съ нимъ то употребленіе, которое не успѣли сдѣлать отцы. И такъ, деньги посѣтителѣ Троицы нейдутъ въ пользу жителей посада; правда есть еще классъ нагеленія, который получаетъ большіе барыши отъ богомольцевъ—это ямщики, но странно! въ посадѣ вовсе нѣтъ богатыхъ ямщиковъ. Можетъ быть, это происходитъ отъ разгульной жизни.

Говоря о Троицкомъ посадѣ, обыкновенно обращаются къ историческимъ воспоминаніямъ Лавры и перечисляютъ заслуги монастыря въ исторіи Россіи; все это было темою всѣхъ описаній Троицы, вездѣ говорилось одно и то же, и потому повторять старое, давно извѣстное, я считаю совершенно излишнимъ. Не будучи на столько историкомъ, чтобы пролить какой нибудь новый свѣтъ на историческое значеніе Лавры, я лучше пройду молчаніемъ эту часть и перейду къ другимъ вопросамъ.

Въ Троицкому посаду приписано около 13,000

жителей, но число постоянных обывателей никогда не превышает полуторы или двухъ тысячъ, разумѣется не включая сюда пятисотъ монаховъ и ста студентовъ духовной академіи. Главный промыселъ троickaго населенія—нищенство, такъ что на 1,500 жителей до 500 нищихъ. Процентъ громадный и невѣроятный. Впутьри ограды монастыря трудно пробить себѣ дорогу по аллеямъ: стоя, сидя, лежа, окружаютъ васъ нищіе, выставляя вамъ на показъ свои увѣчья, такъ что, не смотря на окружающіе храмы, непривычному посѣтителю долго будетъ казаться, что онъ идетъ по лазарету. Между дѣйствительно убогими толкуются люди всѣхъ возрастовъ; дѣти, взрослые, старики, здоровые, больные: всѣ протягиваютъ руки и оглушаютъ васъ громкими криками: «подай, Христа ради!» Въ той же толпѣ ходятъ монахи съ книжками, собирая на монастыри и юродивые, выискивающіе себѣ суевѣрныхъ барынь, которыя для нихъ готовы на всякія жертвы и приношенія. По посаду, по улицамъ, вы встрѣтите такое же огромное количество нищихъ; недовольствуясь подаваніемъ изъ оконъ постоянныхъ дворовъ, они входятъ къ вамъ въ номеръ и тамъ осаждаютъ васъ своими просьбами. Чтобы разжалобить богомольцевъ, нищіе прибѣгаютъ къ искусственнымъ увѣчьямъ: уродуютъ себя или притворяются въ какомъ нибудь недугѣ; бываютъ нѣмые, которые не говорятъ по цѣлымъ годамъ, другіе

долго хромають и ходять на деревяншахъ; третьи бывають глухими, до тѣхъ поръ, пока какой нибудь случай не покажетъ имъ выгоду избавиться отъ добровольно принятаго увѣчья. Свое исцѣленіе въ такомъ случаѣ они или приписываютъ чуду, или драпируются въ подвигъ благочестія, говоря, что добровольно принимали, на себя тяжкое наказаніе за какой нибудь проступокъ, или въ видѣ испытанія человѣческой немощи. Разумѣется, такіа объясненія приобрѣтають имъ многихъ поклонниковъ и киста ихъ наполняется съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе; одинъ богомолецъ передаетъ другому объ его подвигѣ, а бѣдная богомолка, сама пришедшая изъ-за тысячи верстъ, питаясь подаяніемъ, сочтеть за грѣхъ не подать ничего этому обманщику.

Произвольный пролетаріатъ съ убійствомъ умственныхъ способностей принимается за религіозный подвигъ, возбуждающій удивленіе и уваженіе. Большая часть троицкихъ нищихъ платятъ значительный оброкъ акцизнооткупному комиссіонерству; скажу даже болѣе, пользуясь въ Лаврѣ даровымъ столомъ, нищіе, вечеромъ, пропиваютъ все, что собрали въ теченіи дня. Конечно здѣсь, какъ всегда, не бываетъ безъ исключеній. Я зналъ въ прежнія посѣщенія мои, одного попрошайку, Гаврилушку, *enfant cheri des dames*, которому барыни постоянно подавали серебромъ, считая его за какого-то юродиваго. Нищій Гаврилушка вы-

купилъ своего брата отъ исправленія рекрутской повинности, купилъ себѣ въ посадѣ домъ, содержалъ любовницу, лягавую собаку, оставилъ по себѣ пять тысячъ рублей серебромъ и все-таки продолжалъ нищенствовать. Да и въ самомъ дѣлѣ, какой другой промыселъ могъ ему давать такой огромный доходъ?—Но это исключеніе; большинство нищихъ сдаютъ собранныя ими деньги въ кабаки, и потому дѣла троицкаго откупа идутъ всегда превосходно.

Такъ какъ нищенство составляетъ въ Троицкѣ промыселъ, то ему обучаются съ младенчества. Родители, которые намѣриваются пустить по этой дорогѣ своихъ дѣтей, отдаютъ ихъ грудными еще въ наемъ опытнымъ нищимъ женщинамъ, если сами не собираютъ милостыни. Нанятая дѣтей баба становится съ ними въ монастырѣ и приучаетъ просить ихъ именемъ; потомъ, когда подростіи ребенокъ начинаетъ лепетать, послѣ словъ: папа, мама, обучаютъ его крику: «Христаради подай!»—Проходитъ два, три года; ребенокъ начинаетъ ходить: его спускаютъ съ рукъ и заставляютъ просить, держась за полу сарафана своей учительницы, которая между тѣмъ успѣла уже нанять другаго ребенка. Когда дѣти достигнутъ восьмилѣтняго возраста, ихъ одѣваютъ въ рубище и пускаютъ однихъ собирать; чтобы лишить ихъ возможности утаить что нибудь изъ собранной милостыни, ихъ

каждый вечеръ осматриваютъ до нага и съ утра назначаютъ сколько каждый долженъ выпросить. Такимъ образомъ къ нищенству прививается воровство; страхъ наказанія за слишкомъ малый сборъ заставляетъ дѣтей прибѣгать къ воровству. Такъ продолжается лѣтъ до пятнадцати или шестнадцати. Дѣвочки въ этомъ возрастѣ начинаютъ торговать красотой и уже не протянутой рукой собираютъ себѣ на пропитаніе, а мальчикъ идетъ куда нибудь работать, потому что въ возрастѣ отъ 16-ти до 30-ти лѣтъ онъ мало соберетъ, развѣ, выдавая себя за погорѣлаго, увѣчнаго или служа проводникомъ слѣпому. Тѣ же, которые отказываются отъ увѣчья, нанимаются въ работники, но работа не дается имъ; они никогда не привыкли къ труду и потому недолго уживаются на одномъ мѣстѣ. Хозяинъ, замѣтивъ ихъ неспособность, прогоняетъ ихъ. Тогда начинается пьянство; все заработанное оставляется въ кабацѣ; страсть къ воровству развивается болѣе, и рѣдкій изъ посвятившихъ себя нищенству, не пройдетъ по этому и не познакомится съ жизнью въ тюрьмахъ и острогахъ.—Но вотъ уже наступаетъ блаженный тридцатый годъ; развратная, безпутная жизнь изнурила и мужчинъ, и женщинъ, на лицѣ и всемъ организмѣ остаются слѣды изнеможенія и истощенія; тогда преждевременные старцы спѣшатъ запастись деревянной чашкой и улечься

въ аллеѣ, ведущей къ собору; въ надеждѣ разжалобить богомольцевъ. Женщины, не находя болѣе охотниковъ до ихъ изнуренной красоты, панимаютъ дѣтей и спѣшаютъ въ ту же блаженную аллею.

Такимъ образомъ живетъ, поддерживается и размножается цѣлая растлѣнная масса нравственныхъ и матеріальныхъ пролетаріевъ.

Да, нищенство, большая, глубокая общественная язва; пора принять мѣры къ излѣченію отъ нея.

Остальныя двѣ трети троичаго населенія занимаются разными ремеслами; главное производство и торговля дѣтскими игрушками, которыя здѣсь дѣлаются въ огромномъ количествѣ и расходятся по всей Россіи. Промышленность здѣсь на довольно низкой степени; разъ въ недѣлю бывають базары, на которые съѣзжаются крестьяне окрестныхъ деревень сбывать произведенія своего, далеко не цвѣтущаго, сельскаго хозяйства. Троица стоитъ на границѣ Владимірской губерніи, гдѣ глинистая почва дѣлаетъ невыгоднымъ обработку полей и потому мѣстные жители народъ фабричный, живутъ на заработкахъ. Кромѣ базаровъ, въ посадѣ бывають нѣсколько ярмарокъ въ году; въ томъ числѣ Успенская, и на десятой недѣлѣ послѣ Пасхи, въ день Преподобнаго Сергія. Оборотъ этихъ ярмарокъ самый ограниченный; такъ что ихъ скорѣе можно назвать большими базарами;

продолжающимися по нѣсколькѣ дней. Торговля въ этихъ случаяхъ преимущественно производится тѣми товарами, которые необходимы для домашняго обихода мѣщанъ и крестьянъ: ситцы, панской товаръ, сбура, мелочь всякая, желѣзные издѣлія, посуда, пряники и отчасти книги. Последняя отрасль торговли въ рукахъ букинистовъ съ Смоленскаго рынка и отъ Сухаревой башни. Нѣкоторые изъ постоянныхъ троицкихъ торговцевъ открываютъ свои лавки на базарѣ, размѣщающемся на большой площади у монастыря и на другой горѣ у церкви. Постоянная торговля въ Троицѣ производится въ рядахъ, въ лавкахъ, устроенныхъ противъ монастыря, потомъ въ такихъ же лавкахъ, размѣщающихся въ стѣнахъ Лавры; наконецъ есть еще нѣсколько лавокъ въ нижнемъ этажѣ гостинницы.

Гостинница, носящая названіе монастырской, очень большое зданіе; съ очень недавняго времени въ ней вводится нѣкоторый порядокъ и чистота; со временемъ обзаведутся и достаточнымъ количествомъ вѣжливой, услужливой прислуги. Столъ въ ней удовлетворительный. Номера почти что чистые; есть, впрочемъ, три, четыре комнаты, которыя не отводятся нашему брату, простому смертному, а берегутся для случайныхъ особъ, навѣщающихъ посадъ. Сквозь вычищенные замки у дверей можно рассмотреть, что комнаты эти содержатся совершенно въ другомъ видѣ, нежели вашъ номеръ.

Хорошо, ей Богу, быть знатнымъ и богатымъ. Жаль только, что это восклицаніе приходитъ въ голову по поводу монастырей.

Кромѣ монастырской гостиницы, въ посадѣ есть еще нѣсколько постоялыхъ дворовъ очень грязныхъ, съ постоянными жильцами—клопами, которые подъ вечеръ вылѣзаютъ изъ подъ развѣшенныхъ портретовъ и нападаютъ на постояльцевъ. Есть еще въ лѣтнее время гостиница при аптекѣ. Иверсена гостиница очень чистая, хотя и не дешавая: прежде при ней содержались овощная лавка, оптический магазинъ, продажа табаку и прочаго, но теперь осталась только аптека....

Богатство монастыря всюду и во всемъ поражаетъ васъ; вездѣ видна массивная роскошь. Отъ жемчуга, который въ ризницѣ мѣрятъ четвериками, и до тяжеловѣсной золотой ризы въ крошечной часовнѣ; отъ ящика съ деньгами, собираемыми ежедневно за молебны, ящикъ, который иногда насилу тащатъ четвере инока на палкахъ, и до провирии, продающей въ иные дни на тысячи рублей: все это свидѣтельствуетъ о томъ, что у насъ не жалѣютъ никакихъ жертвъ для религіозной цѣли. Троицкая братія живетъ въ большомъ довольствѣ. Наружность иноковъ не показываетъ, что они слишкомъ изнурены работой; судя по одеждѣ, они не терпятъ недостатка ни въ чемъ, потому что одѣваются богато. Есть пословица:

наружность обманчива, но сколько я знаю, эта пословица здѣсь неумѣстна.

При монастырѣ учреждена школа и училище живописи; последнее стоитъ на хорошей ногѣ и можетъ чрезъ нѣсколько лѣтъ подарить насъ нѣсколькими хорошими иконописцами. Преобладаетъ здѣсь византійская школа, позолоты тратится немовѣрное количество. Говоря откровенно, я не принадлежу къ числу тѣхъ, которые стоятъ за эту школу, и не принадлежу именно потому, что прежде всего, во всемъ предпочитаю естественность. По моему, никогда никакое искусство не придастъ той торжественности, того величія, той красоты, которая сама по себѣ истекаетъ изъ естественности. Завѣдь золото для этой цѣли и употребляется на наивнѣйшихъ образахъ византійской школы. Впрочемъ, я всегда съ сожалѣніемъ смотрю на художника, который посвятилъ себя иконописи. Полюбимъ, онъ счумѣетъ составить себѣ капиталъ, но это ни въ какомъ случаѣ не можетъ удовлетворить истиннаго художника. Какъ только написанная имъ икона освящена и поставлена въ храмѣ, начинаютъ собирать деньги на ризу, и скоро художникъ видитъ, что на его иконѣ осталось только личико и руки; объ остальномъ можно судить по работѣ серебреника и его умѣніи владѣть рѣзцомъ. Между тѣмъ богомольцы приходятъ на поклоненіе иконѣ, прикладываются къ ней, и ма-

ло по малу остатки живописи, не закрытые ризой, сходятъ совершенно. Чрезъ нѣсколько лѣтъ церковный староста находитъ возможность употребить часть денегъ, скопленныхъ имъ на возобновленіе образовъ, и вотъ икону совершенно переписываютъ, поручивъ этотъ трудъ тому ремесленнику, который возьметъ подешевле.—Возвращается художникъ и не находитъ уже своей работы.

Въ часовнѣ, воздвигнутой надъ колодеземъ, который выкопалъ Святой Преподобный Сергій, продается вода изъ этого колодца, въ стеклянныхъ пузырькахъ, на которыхъ привлеена бумага съ надписью: «казенная цѣна 8 к. сер.»—Что значитъ здѣсь слово казенная? То-ли, что деньги, выручаемыя за продажу воды, идутъ въ монастырскую казну, или то, что цѣна эта назначена монастырскимъ начальствомъ, во избѣжаніе злоупотребленій со стороны продающихъ воду; или наконецъ ту цѣну, меньше которой нельзя платить за пузырьки? Во всякомъ случаѣ, я не умѣю опредѣлить здѣсь смыслъ эпитета «казенный», тѣмъ болѣе, что у насъ на точность опредѣленій мало кто обращаетъ вниманія.

Почва во всей окрестности, какъ я уже сказалъ, глинистая; лѣсовъ достаточное количество и цѣны на нихъ сравнительно, довольно низкія; здѣшніе землевладѣльцы надѣются, что съ устройствомъ желѣзной дороги цѣны подымутся: надежды эти осно-

ваны на слѣдующихъ двухъ причинахъ: 1) чугуна сама по себѣ потребуе́тъ много лѣснаго матеріала, и такъ какъ мѣстность отъ Москвы до Братовщины (половина дороги до Троицы) не обладаетъ большимъ запасомъ лѣсовъ, давно уже вырубленныхъ, то по необходимости лѣсной матеріалъ будетъ браться въ окрестностяхъ посада, а по увеличеніи спроса, увеличится и цѣнность. 2) Железная дорога удешевить доставку дровъ и строительныхъ матеріаловъ въ Москву и ея окрестности. Начнутъ сбывать лѣсъ въ Москву, чего теперь не дѣлали единственно потому, что доставка обходилась слишкомъ дорого. Но выгода здѣсь будетъ не для однихъ лѣсовладѣльцевъ; ея чувствуютъ и московскіе жители; я предполагаю, что громадныя цѣны дровъ на московскихъ рынкахъ падутъ при увеличеніи подвоза. Уничтоженіе дровяныхъ барышниковъ и большой подвозъ дровъ—вотъ два средства, которыя выведутъ московскихъ бѣдняковъ изъ необходимости покупать швырокъ по 10, 12 и 18 р. за сажень. При сбытѣ лѣса подъ Троицей, начнется рубка и въ тѣхъ дѣвственныхъ лѣсахъ, которые лежатъ отъ посада верстахъ въ сорока по дорогѣ къ Угличу, и которые теперь стоятъ безъ всякаго употребленія, рядомъ съ огромными, неразработанными торфяными болотами. Однимъ словомъ, въ строительномъ и горючемъ матеріалѣ въ окрестностяхъ посада недостатка не чувствуется.

Я уже говорилъ вамъ, что сельское хозяйство въ окрестностяхъ посада далеко не въ цвѣтущемъ состояніи, и что крестьяне преимущественно народъ фабричный; главныя фабрики находятся въ городѣ Александровѣ (Владимірской губерніи). Кромѣ того въ смежныхъ уѣздахъ есть нѣсколько фабрикъ, производящихъ довольно большіе обороты. Троицкій посадъ соединенъ большими дорогами съ нѣсколькими городами: Дмитровомъ, Александровомъ, Угличемъ, Переславлемъ и чрезъ него съ Ростовомъ и Ярославлемъ. Связаніе съ этими городами производится при посредствѣ ямщиковъ; кромѣ того, до Ярославля ходятъ почтовые кареты и еще дилижансы «Общая польза.» Цѣны найма довольно высоки, особенно поднимаются онѣ во время ростовской и нижегородской ярмарокъ и лѣтомъ, когда бываетъ большой приливъ богомольцевъ.

1860 г. іюнь.

VI.

Спичечныя фабрики въ Александровскомъ уездѣ. — Запоздалое замѣчаніе о Троицкой гостинницѣ. — Александровъ: общая характеристика города. — Блаженный городъ. — Уездное собраніе. — Историческое воспоминаніе. — Монастырь. — Конюшни. — Торговля въ городѣ. — Карасы, въ промышленномъ значеніи этого слова. — Фабрики въ Александровѣ и ихъ отличительныя особенности. — Кожевенный заводъ. — Фабрики въ уездѣ. — Учебныя заведенія и школы. — Журналы и газеты въ Александровѣ. — Матеріалъ для будущей исторіи виннаго откупа.

— А что, братецъ, ты изъ Яму? обратился я съ вопросомъ къ моему ямщику, когда мы выѣхали изъ Троицкаго посада.

— Изъ Яму, Тверской губерніи, отвѣчалъ онъ.

— Давно здѣсь живешь?

— Съ самой чугунки, какъ нашъ петербургскій трактъ прекратился.

— Вотъ скоро и здѣсь пойдетъ чугунка.

— Слышалъ.

— Что же вы тогда будете дѣлать?

— Въ ямщики пойдѣмъ, въ другое мѣсто. Въ Америку, прибавилъ ямщикъ, захочетавъ.

— Въ какую Америку?

— За моремъ есть страна, говорятъ, тамъ нашего брата нѣтъ; а не то въ Сибирь пойдѣмъ; собачей ѣздѣ конецъ положимъ.

Столбы вновь проводимаго телеграфа мелькали по лѣвой сторонѣ шоссе; я ѣхалъ довольно скоро. У самого выѣзда изъ посада, я увидѣлъ на право вновь строящееся деревянное зданіе. Полюбопытствовавъ узнать, для какой цѣли оно назначается, я получилъ въ отвѣтъ отъ ямщика, что здѣсь предполагается устроить фабрику фосфорныхъ спичекъ. Съ тѣхъ поръ какъ сняты запрещеніе и пошлина съ этой отрасли промышленности, во всѣхъ концахъ Россіи спичечные заводы расплодились въ большемъ количествѣ и въ одинъ изъ миллионныхъ разовъ доказали, что всякая свобода производства и торговли взаимно выгодна для продавцевъ и для покупателей, не только въ отношеніи къ дешевизнѣ, но и въ отношеніи усовершенствованія самаго производства. Впрочемъ я слышалъ, что и прежде здѣсь существовала въ имѣніи одного помѣщика спичечная фабрика, но такъ какъ открытое производство на ней было запрещено закономъ, то и спички работали на ней тайно. Изъ сосѣднихъ крестьянъ почти никто не соглашался работать на этой фабрикѣ, зная крутой нравъ помѣщика и

боясь подвергнуться наказанію за противузаконное
занятіе

. Въ такихъ обстоятель-
ствахъ и еще болѣе потому, что владѣлецъ выше-
упомянутой мною фабрики не хотѣлъ расплачиватъ-
ся, онъ прибѣгнулъ къ самому легкому средству:
заставилъ безвозмездно работать спички мальчиковъ
и дѣвочекъ своей деревни. Неумѣніе обращаться съ
вреднымъ и безъ того фосфоромъ и сѣрою сдѣлали
многихъ дѣтей калѣками и уродами; спички были
плохого достоинства, дѣла фабрики шли дурно, но
упрямый помѣщикъ упорствовалъ. Крестьяне было
обрадовались, когда отъ нечаяннаго взрыва фосфору
фабрика сгорѣла, при чемъ погибли два мальчика
и дѣвочка, но въ скоромъ времени фабрика была
выстроена вновь. Тогда терпѣніе крестьянъ лоп-
нуло, и они прибѣгли съ просьбой къ высшему
правительству, которое положило конецъ спичечно-
му производству.

Между тѣмъ какъ экипажъ мой катится по Алек-
сандровской дорогѣ, я воспользуюсь свободной ми-
нутой и брошу взглядъ назадъ. Мнѣ пришло въ
голову одно улучшеніе относительно Троицкой мо-
настырской гостинницы, которое я позабылъ за-
писать. Какъ хорошо и полезно было бы устроить
черную доску, на которой записывались бы фами-
ліи остановившихся въ каждомъ номерѣ гостин-
ницы, а то теперь нѣтъ рѣшительно никакой воз-

можности отыскать своихъ знакомыхъ, и прислуга упорно отказывается помочь въ этомъ случаѣ. — Не приказано спрашивать фамиліи постояльцевъ: вотъ единственный отвѣтъ, который вы можете получить на всѣ ваши розыски.

Александровъ съ виду похожъ на большую часть нашихъ уѣздныхъ городовъ; онъ раскинутъ на двухъ горахъ, стоитъ на берегу рѣчки Сѣрой и разбитъ на нѣсколько улицъ. Мостовая, на большой улицѣ, сдѣлана такъ, что прекрасно способствуетъ ломанію экипажей; на другихъ улицахъ постоянная грязь, цѣлыя лужи, такъ что почти каждый домъ напоминаетъ мнѣ извѣстную пѣсню: «Какъ у нашихъ у воротъ стоитъ озеро воды.» Въ грязи кувыркаются мальчишки, снуютъ инвалиды съ ружьями и безъ нихъ; временемъ пробирается къ себѣ чиновникъ изъ уѣзднаго суда, получающій въ мѣсяцъ 15 коп. сер. жалованья, въ ожиданіи попасть въ штатъ; по этой же грязи изрѣдка промчится богатая купеческая коляска, съ развалившейся поперекъ нея дамой, которая и взглядомъ и движеніемъ губъ такъ и поворитъ: «Вотъ городишко, весь въ сажѣ, какъ еще здѣсь жить можно!» А тамъ глядишь на мосту въ дрожжахъ летитъ городничій, съ осанкой, напоминающей извѣстныя стихи:

....Какъ пѣкогда сидѣлъ

Несомый бурю на лодкѣ Петръ Великій.

Среди города большая площадь, на которой, какъ во всѣхъ уѣздныхъ городахъ, разъ въ недѣлю бываютъ базары; на площади непремѣнные вѣсы и два каменныхъ дома съ присутственными мѣстами; рядомъ продажа вина акцизно-откупнаго коммисіонерства, у котораго всегда полицейскій солдатъ. Весело, шумно въ этомъ кабацкѣ, клубѣ русскаго народа, и не разъ вы увидите выходящихъ оттуда господъ въ вицъ-мундирѣ, нанговыхъ панталонахъ, заправленныхъ въ сапоги, съ непремѣнною медалью и фуражкой съ кокардой. Вотъ раздался колокольчикъ; тарантасъ заѣзжаго помещика мелькнулъ мимо опущеннаго шлахбаума, показался на площади, и всѣ чиновники присутственныхъ мѣстъ высыпали къ открытымъ окошкамъ, желая узнать, кто этотъ печальный посѣтитель Александрова. Но, кто бы онъ ни былъ, онъ будетъ встрѣченъ общимъ поклономъ; тотъ же поклонъ будетъ провожать его, когда онъ поѣдетъ мимо лавокъ. Александровцы до того привыкли видѣть въ городѣ однихъ знакомыхъ, что и не допускаютъ мысли, чтобы къ нимъ заѣхалъ какой нибудь путешественникъ или туристъ. Да и къ чему онъ туда пріѣдетъ? Захотѣлъ путешествовать, ска-тертью дорога по всей Европѣ, есть гдѣ деньги просорить, есть на что и посмотреть; не ѣхать же, въ самомъ дѣлѣ, осматривать наши уѣздные города! По этому бѣгло накинутаю мною очерку вы ви-

дите, что Александровъ мало чѣмъ или, лучше сказать, почти ничѣмъ не отличается съ виду отъ другихъ нашихъ уѣздныхъ городовъ.

Александровъ можно причислить къ тѣмъ городамъ, которые губернский лѣтописецъ *Съверной Пчелы* называетъ блаженными на томъ основаніи, что о нихъ и изъ нихъ никогда ничего не пишутъ, обстоятельство принимаемое многими за признакъ благоденствія. Въ самомъ дѣлѣ, сколько я помню, послѣднее извѣстіе изъ Александрова было помещено въ газетахъ по случаю проѣзда чрезъ городъ Великихъ Князей Николая и Михаила Николаевичей, путешествовавшихъ по Россіи въ началѣ прошлаго десятилѣтія; съ тѣхъ поръ Александровъ и вѣсти о себѣ не даетъ. Что за причина такого упорнаго молчанія, и неужели въ городѣ нѣтъ ничего такого, о чемъ бы можно было написать? Признакъ ли это обломовскоѣ лѣни, или патріархальное убѣжденіе, что Богъ милостивъ, проживемъ молъ безъ всякихъ газетъ да статей; не хуже другихъ русскихъ людей монастыри уважаемъ, на юродивыхъ жертвуемъ; стало быть нечего бояться, да къ новымъ выдумкамъ прибѣгать. Вотъ какъ застѣла у Александровцевъ эта задняя мысль, такъ ничего съ ней и не подѣлаешь; не даромъ у насъ говорится: русскій человѣкъ заднимъ умомъ крѣпокъ. Я замѣтилъ, что вообще въ признакахъ патріархальности Александрова недостатка нѣтъ, па-

примѣръ менѣе году тому назадъ среди города мясники били скотину на своихъ дворахъ. Развѣ это не признакъ патріархальности? Только съ ослабленіемъ патріархальности, люди дѣлаются брюзгливы, боятся нечистотъ, зловредныхъ испареній; все это принимается за утонченность нравовъ, и вотъ уже около полугода какъ въ Александровѣ боины снесены за городъ. Патріархальность видна и въ общественныхъ отношеніяхъ Александровцевъ, и въ слѣпомъ повиновеніи ихъ всемогущей уѣздной силѣ. Видна она и въ грязной, приземистой наружности большей части домовъ, и въ недостаткѣ постоянныхъ дворовъ: этихъ послѣднихъ въ городѣ три: два отличаются нечистотой, а третій кромѣ того пользуется преимуществомъ сырости. Равнодушіе въ журналамъ вообще довольно сильно въ Александровѣ и потому многіе, узнавъ, что я буду писать о городѣ, съ удивленіемъ спрашивали меня: помилуйте, о чемъ же писать? Я пользуюсь этими словами, чтобы задобрить моихъ читателей и просить ихъ снисхожденія къ моему письму.

— Вы ошибаетесь, можетъ воскликнуть вдругъ одинъ задорный Александровецъ, прочитавъ мои строки: какъ можно отзываться такъ о нашемъ городѣ! Развѣ вновь учрежденное собраніе — признакъ патріархальности? Впередъ предвидь такое возраженіе, я заранѣе отказываюсь отвѣчать на него, потому что лишенъ возможности опредѣлить,

замѣнялся ли и въ какой степени въ александровское собраніе общій духъ нашихъ русскихъ собраний: споры, ссоры, неудовольствія на старшинъ и старшинъ между собою, преклопеніе предъ уѣзднымъ авторитетомъ, иногда сопряженное съ невѣжливостью въ отношеніи къ дамамъ и къ публикѣ вообще, однимъ словомъ всѣ тѣ милыя особенности уѣздныхъ собраний, о которыхъ не разъ говорилось на страницахъ нашихъ газетъ и преимущественно *Московскихъ Вѣдомостей*. Я въ городѣ былъ лѣтомъ; когда собраніе закрыто или почти закрыто, и сужу, только по тому, что видѣлъ и слышалъ.

А вѣдь было и у Александра свое красное время! Не только красное, но и багровое, когда грозный царь, сдѣлавъ его своею столицею, поселился въ немъ съ своими опричниками. Много невинной крови было пролито въ то время; носятъ слухи, что отъ города на нѣсколько вѣрстъ тянется подземный лабиринтъ, въ которомъ казнили бояръ; на берегу озера въ подгородномъ селѣ Каринскомъ стояли висѣлицы, на которыхъ болтались тѣла разныхъ жертвъ. Ужасное время необузданнаго произвола! Я уже разъ говорилъ вамъ, что исторія неспеціальная цѣль моей поѣздки, и потому я предоставляю другимъ ученымъ сдѣлать историческій очеркъ Александра, описать пребываніе въ немъ императрицы Елизаветы и другія подробности; самъ

же перейду къ статистическому описанію. Археологамъ и историкамъ могу сообщить, что при здѣшнемъ монастырѣ находится библіотека рукописей весьма интересная; она доступна для всѣхъ, и потому можно пожелать, чтобы наши ученые взяли на себя трудъ осмотрѣть это книгохранилище.

Александровскій монастырь женскій; ~~два~~ года тому назадъ онъ почти весь сгорѣлъ; здѣсь похоронены двѣ сестры Петра Великаго, бывшія инокини этой обители. Монастырь не слишкомъ богатъ; кромѣ него въ здѣшнемъ уѣздѣ еще двѣ обители мужскія: Лукьяновская пустынь и Махрицскій монастырь; послѣдній принадлежитъ московской епархіи и состоитъ въ вѣдѣніи Троицкой Лавры. Вообще Владимірская губернія черезъ-чуръ обильна монастырями; среднимъ числомъ на каждый уѣздъ можно положить по три. Такъ какъ средства александровскихъ монастырей довольно ограничены, то иноки обыкновенно по зимамъ объѣзжаютъ окрестныя деревни, собирая подаяніе хлѣбомъ, овсомъ, льномъ и другими произведеніями сельскаго хозяйства. Кромѣ этого лѣтомъ они ходятъ съ образами своей обители и собираютъ за молебны. . . .

Изъ городскихъ зданій болѣе всего обращаютъ на себя вниманіе конюшни; давно уже упразднены онѣ по спискамъ, и ни одной дворцовой лошади не осталось во Владимірской губерніи; даже коню-

шенные крестьяне, содержавшіе своею податью это учрежденіе, уже причислены къ удѣльнымъ; но зданіе конюшенъ еще долго простоятъ невредимо. Хотя давно на конюшняхъ уже нѣтъ крыши, но крѣпкія, толстыя, каменные стѣны заставляютъ жалѣть, что зданіе это остается безъ всякаго употребленія. Въ одномъ изъ флигелей его помѣщались прежде Турки, взятые въ плѣнъ во время прошлой войны, и тогда досужіе Александровцы по нѣскольку разъ въ день приходили осматривать образъ жизни Оттомановъ и поглазѣть съ тупымъ удивленіемъ на ихъ вечернія молитвы. Съ тѣхъ поръ какъ Турки отпущены въ отчизну, здѣсь опять пусто; говорятъ, впрочемъ, что теперь здѣсь хотятъ 'устроить казармы для квартирующей въ городѣ артиллеріи. Хорошо бы и инвалидную команду помѣстить въ тѣхъ же казармахъ; подивиться можно только тому, какъ до сихъ поръ эта мысль не пришла никому въ голову, а вѣдь ларчикъ, кажется, просто открывался.

Число александровскихъ жителей, приписныхъ и настоящихъ, доходитъ въ настоящее время до 2,745 человекъ мужескаго пола и 2,719 женскаго; сюда, впрочемъ, не вошли работники на фабрикахъ. Изъ городскихъ жителей многіе занимаются слесарнымъ и кузнечнымъ ремеслами; издавна эти ремесла находятся въ Александровѣ въ хорошемъ состояніи, такъ что въ городскомъ гербѣ изображена наковаль-

ня. Кузнечествомъ, впрочемъ, занимаются не одни городскіе жители; въ уѣздѣ многіе крестьяне имѣютъ свои кузницы и сбываютъ свое производство на базарахъ въ городѣ или въ Троицкомъ посадѣ. Въ Александровѣ еженедѣльно бываютъ базары: отъ Петрова дня до 8-го сентября по воскресеньямъ, а остальную часть года по понедѣльникамъ. Базары эти, на которыхъ продавцами и покупателями бываютъ окрестные деревенскіе жители, не представляютъ большихъ денежныхъ оборотовъ; товары, продаваемые на нихъ, принадлежатъ большею частью къ произведеніямъ сельскаго хозяйства (*).

Хлѣбная торговля здѣсь, къ счастью, не сосредоточена въ рукахъ нѣсколькихъ кулаковъ-барышниковъ; то, что крестьяне или помѣщики не продадутъ въ городѣ, они доставляютъ на окрестныя

(*) Вотъ среднія цѣны, которыя были въ прошломъ году: хлѣбъ за пудъ 60 к., крупа пшенная за четверть 10 р. 50 к. и 11 р. 50 к., гречневая крупа по 8 р. и 7 р. 75 к. за четверть, овесъ продавался по 2 р. 40 к. и 2 р. за четверть, сѣно отъ 17 до 18 к. за пудъ, солома по 7 и 8 к., мясо свѣжее — пудъ 2 р. 40 и 2 р. 30 к., свинина 3 р. и 3 р. 15 к., четверть гороху стоила 8 р. и 7 р. 50 коп., солодъ продавался по 5 р. 50 к. и 5 р., масло коровье по 7 р. 50 и 7 р. за пудъ, дрова березовыя 3 р. и 2 р. 80 к., осиновыя 2 р. 10 к. и 2 р., сосновыя 2 р. 20 и 2 р. 10 к., еловыя 2 р. и 1 р. 90 к., масло постное продавалось по 4 р. за пудъ и свѣчи по 6 р. и 5 р. 75 к. серебромъ.

фабрики. Вообще яровые хлѣба родятся лучше въ той части уѣзда, которая примыкаетъ въ Московской губерніи; въ остальной же хлѣбопашество стоитъ на худшей степени; причина этого грунтъ. Неблагодарность глинистой почвы заставляетъ многихъ крестьянъ прибѣгать къ другимъ промысламъ и уходить на заработки на фабрики. Нѣкоторые зажиточные крестьяне берутъ на домъ основу и на нѣсколькихъ станахъ ткуть холстицу и бумажныя ткани, которыя возвращаютъ хозяину фабрики, получивъ съ него за работу. Для тканія нанимаютъ на зиму работниковъ и работницъ. Другіе крестьяне по зимамъ занимаются размоткой шелку; дѣвочки, почти дѣти, посылаются мотать шпульки; шелкъ, размотанный на шпулькамъ, скручивается на особой машинѣ, которая здѣсь носитъ названіе *карася*. Работая за карасемъ или при немъ, дѣвушка можетъ получить въ зиму отъ 15 до 18 р. сер.

Въ самомъ городѣ Александровѣ три бумагокра-
сильныя фабрики, на которыхъ выдѣлывается то-
вару въ годъ на 1,525,079 р. сер. Цифра эта
официальная, но я не имѣю причины предполагать,
чтобы она была вѣрна. Извѣстно, что купечество
скрываетъ свои обороты и для успѣховъ своего
предпріятія полагаетъ это непременнымъ условіемъ.
Иногда это дѣлается для того, чтобы имѣть какъ
можно больше кредиту, который превышалъ бы

возможность уплатить долги. Что-же бываетъ послѣдствіемъ этого? Неожиданное для заимодавцевъ банкротство, почти всегда признаваемое злополучнымъ, тогда какъ въ сущности оно умышенное. И долго не переведутся на Руси Большовы, Подхалиузины иCOMP., пока не войдетъ въ убѣжденіе мысль, что для успѣха коммерческаго предпріятія нужно дѣйствовать открыто и подавать другъ другу руку, а не враждовать съ своими собратіями по ремеслу. Вредя чужому производству, непременно вредишь самому себѣ. Мало съѣздить за границу, привезти оттуда нѣсколько паръ моднаго платья, приобрести политуру франтовскаго обращенія и выписать англичанина для завѣдыванія фабрикой: нужно вывезти изъ-за границы не платье, а знаніе коммерческой науки, измѣнить самый взглядъ на торговлю.—Производители однихъ и тѣхъ же товаровъ должны дѣйствовать за одно, чтобы имѣть возможность опредѣлить обща и цѣну и доброту своихъ матеріаловъ; у насъ (я говорю здѣсь вообще о Россіи) поступаютъ совершенно на оборотъ; четверть дохода тратится на тяжбы изъ-за пустяковъ.

И такъ я не довѣряю официальной цифрѣ оборотовъ здѣшнихъ фабрикъ и, къ крайнему своему сожалѣнію, лишенъ возможности точно опредѣлить эту сумму. Способъ обработки на этихъ фабрикахъ — машинами, водой и парами; матеріа-

лы получаютъ изъ Москвы, Нижегородской ярмарки, но большая часть хлопчатой бумаги изъ Петербурга. Сбытъ товаровъ производится въ Москвѣ и на главнѣйшихъ ярмаркахъ Россійской имперіи: Ирбитской, Коренной, Крещенской, Ростовской и въ особенности Нижегородской. Фабрики принадлежатъ почетной гражданкѣ Барановскій, почетному гражданину Зубову и 2-й гильдіи купцу Зубову. Число работниковъ на фабрикахъ доходить до 1,060 человекъ; въ числѣ ихъ нѣсколько городскихъ жителей, но большею частью крестьяне разныхъ губерній и уѣздовъ. У г-жи Барановой два мастера иностранца и одинъ русскій; на остальныхъ фабрикахъ всѣ мастера русскіе; работники получаютъ отъ 10 до 15 р. сер. въ мѣсяцъ. Издѣлія—холстинки—продаются по 5 р. за штуку; средняя цѣна красной бумаги была въ прошломъ году 25 р. сер.

Кожевенный заводъ, находящійся въ Александровѣ, принадлежитъ купцу Пузову; офиціально на немъ выдѣлывается кожъ на 7,110 р. сер., работниковъ на немъ всего 12 человекъ и 1 мастеръ. Матеріалы покупаются въ Москвѣ; сбытъ производится тамъ же и въ Александровѣ.

Кромѣ того, въ уѣздѣ находится еще нѣсколько довольно значительныхъ фабрикъ; первое мѣсто между ними принадлежитъ Карабановской (п. г. Барановой); потомъ идетъ фабрика Алексѣевыхъ,

снабжающаи сукнами весь Китай чрезъ обмѣнъ товаровъ въ Кяхтѣ и Нижнемъ. Нѣсколько писчебумажныхъ фабрикъ, въ томъ числѣ гг. Сальникова и Богаевского, находятся въ довольно хорошемъ положеніи, особенно Сальниковская. Вообще здѣшній край очень фабричный: выше я говорилъ, что даже крестьяне стараются способствовать этой промышленности. Фабрики эти пожираютъ много топлива; не смотря на то, въ уѣздѣ такъ много лѣсовъ, что цѣны на нихъ довольно низки. У крестьянъ государственныхъ имуществъ также много лѣсу, только въ послѣднее время дана тысяча десятинъ изъ ихъ участка Троицкой Лаврѣ. Здѣшніе помѣщики надѣются, что съ устройствомъ желѣзныхъ дорогъ (Троицкой и Нижегородской) цѣны на лѣсъ подымутся.

Для здѣшняго края желѣзныя дороги облегчаютъ доставку товаровъ на мѣста сбыта, а то теперь Александровъ не соединяется ни съ однимъ городомъ посредствомъ шоссе, а большія дороги не удовлетворяютъ самымъ неприхотливымъ требованіямъ. Ямщиковъ здѣсь вовсе нѣтъ, а на почтѣ, подъ эстафетъ и всѣ другія потребности, содержатся только двѣ лошади, такъ что туристу, если онъ, паче-чаянія, случайно попадетъ въ Александровъ, выбратся отсюда будетъ крайне затруднительно. Прошлой зимой одинъ помѣщикъ содержалъ здѣсь извозчиковъ для городской и загород-

ной ѣзды, но, говорятъ, найдя это невыгоднымъ, прекратилъ свой промыслъ.

При фабрикахъ находится свои пожарныя команды, о которыхъ всѣ отзываются съ большою похвалою; учрежденіе ихъ вызвано необходимостью предохранить себя отъ пожара, такъ какъ полицейскія трубы, если и дѣйствуютъ, то пріѣзжаютъ на мѣсто пожара, когда онъ наекращается. Это бываетъ почти во всѣхъ нашихъ уѣздныхъ городахъ, вслѣдствіе слишкомъ малаго штата и недостаточнаго положенія пожарныхъ командъ. Желательно было бы, кромѣ этого, видѣть при фабрикахъ школы, но объ исполненіи этого желанія въ Александровѣ, кажется, и не думаютъ. Между тѣмъ наши богатые мануфактуристы могли бы удѣлить крошечный процентъ отъ своихъ избытковъ на образованіе работниковъ на ихъ фабрикахъ: если образованіе это ограничится одною грамотностью, то и тогда оно принесетъ свой плоды. Въ желающихъ учиться не будетъ недостатка; если въ этомъ отношеніи есть въ чѣмъ-нибудь недостатокъ, такъ это только въ средствахъ учиться. Учрежденіе воскресныхъ классовъ не можетъ ни въ какомъ случаѣ повредить ходу работъ на мануфактурѣ, потому что время для учебныхъ занятій будетъ выбрано то, которое теперь употребляется на праздношатаиье и пьяство. Потеряютъ кабаки, ну да въ этомъ еще не велика бѣда.

Перехожу теперь къ учебнымъ заведеніямъ города Александрова. Здѣсь, прежде всего, стоитъ уѣздное училище, въ которомъ 43 ученика, въ томъ числѣ: дворянъ 1, духовнаго званія 1, оберъ-офицерскихъ дѣтей 13, купеческихъ 17, мѣщанскихъ 10 и крестьянскихъ 1. Предметы предполагаются по уставу учебныхъ заведеній 1828 года: законъ Божій, русскій языкъ, исторія всеобщая и русская, географія, ариметика, геометрія, черченіе, рисованіе и чистописаніе. У училища есть почетный попечитель, который ежегодно высылаетъ жертвуемую имъ сумму, но самъ своимъ присутствіемъ никогда не удостоивалъ Александрова. Да и къ чему? Вѣдь это не входитъ въ программу его дѣятельности.

Въ городскомъ приходскомъ училищѣ 45 учениковъ; изъ нихъ дворянъ 1, духовнаго званія 1, оберъ-офицерскихъ дѣтей 7, купеческихъ 13, мѣщанскихъ 18, почтальонскихъ 1, дворовыхъ 1, крестьянъ 3. Кромѣ чтенія церковной и гражданской печати, въ училищѣ обучаютъ краткому катихизису, священной исторіи, ариметикѣ и чистописанію.

Въ прошломъ году здѣсь открыто женское училище; не понятно, почему объ этомъ фактѣ не было говорено въ газетахъ. Это одинъ изъ тысячныхъ случаевъ указать на совершенное равнодушіе Александровцевъ къ журналамъ. Мысль основать

это училище принадлежит здѣшнимъ мануфактуристамъ А. І. Барановой и В. П. Зубову, пожертвовавшимъ капиталъ, на счетъ котораго и содержится заведеніе. Въ настоящее время въ немъ уже сорокъ ученицъ; большая часть изъ нихъ оберъ-офицерскія дѣти; остальные изъ духовнаго званія, мѣщанъ и крестьянъ. Предметы преподаются тѣже и по той же программѣ, что въ приходскомъ училищѣ; къ этому прибавлено еще только рукодѣліе. Съ января мѣсяца будущаго года училище это должно быть преобразовано въ училище 2-го разряда, по приговору александровскаго городского общества, утвержденному г. министромъ внутреннихъ дѣлъ; тогда будетъ отпускаться ежегодно на содержаніе 910 р. с. И такъ, среднимъ числомъ теперь приходится одинъ учащійся на 32 человекъ жителей; надо прибавить, что многія дѣти дворянъ обучаются дома или въ казенныхъ и частныхъ учебныхъ заведеніяхъ Москвы и Петербурга. Дворянство содержитъ на свой счетъ двухъ сыновей бѣднѣйшихъ помѣщиковъ во Владимірскомъ благородномъ институтѣ, состоящемъ при гимназіи. У крестьянъ государственныхъ имуществъ есть нѣсколько училищъ въ селахъ.

Черезъ Александровскую почтовую контору выписывается 91 экземпляръ журналовъ и газетъ; но эта цифра не можетъ быть признана за окончательную, потому что многіе помѣщики выпис

вають газеты чрезъ Троицкой посадъ или Дубенскую станцію: Другіе живутъ въ деревнѣ только лѣтомъ. Здѣсь я сдѣлаю маленькое отступленіе и скажу нѣсколько словъ о томъ, какой взглядъ у многихъ нашихъ губернскихъ жителей на періодическую литературу. Болѣе всего въ газетахъ интересуютъ разныя объявленія, такъ что этотъ отдѣлъ прочитывается прежде всего. За тѣмъ идетъ беллетристика; я никогда не забуду разсказа одного редактора московскаго дешеваго журнала, который говорилъ, что встрѣтившись съ однимъ своимъ знакомымъ помѣщикомъ, онъ спросилъ его мнѣніе о своемъ журналѣ.

— Прекрасный журналъ, замѣтилъ помѣщикъ; у васъ направленіе отличное; какъ же-съ, я читаю вашъ журналъ, мнѣ больше всего ваше направленіе нравится.

Редакторъ любопытствовалъ узнать, что особенно заинтересовало его почитателя-читателя, и получилъ въ отвѣтъ, что лучше всего маленький переводный разказъ, разосланный въ видѣ приложенія. Вотъ въ чемъ, по мнѣнію помѣщика, отразилось направленіе журнала! Кромѣ этого, губернскіе жители интересуются всякими скандальными исторіями, случайно попавшими въ газеты; и съ дѣтскою радостью ухаживаютъ за случаемъ, взятымъ изъ общественной жизни ихъ губерніи. Мнѣ разсказывали, что въ Александровѣ два года

тому назадъ не могли начитаться какого-то случая съ какой-то головкой, помѣщенного въ одномъ журналѣ. Оказалось, что этотъ случай былъ въ Александровѣ. Пошли толки: кто написалъ? зачѣмъ? догадкамъ не было конца.

Мнѣ слѣдуетъ теперь сказать нѣсколько словъ объ александровскомъ откупѣ, и здѣсь я снова употреблю официальную цифру: питей продается въ городѣ 14,341 ведро въ годъ на сумму 56,188 р. сер., въ томъ числѣ пива и меда 1835 ведеръ. Вино продается по 4 и 5 р. сер., последнее очень хорошаго качества; степень разбавки водою перваго трудно опредѣлить. Спиртъ доставляется съ завода г. Пашкова, въ Симбирской губерніи.

Для будущихъ составителей исторіи военныхъ откуповъ въ Россіи, полезно будетъ знать, сколько въ извѣстной мѣстности испивалось вина въ опредѣленные откупные сроки, а также и сумму, платимую откупщиками казнѣ. Желая имъ помочь, я прилагаю здѣсь слѣдующую таблицу, въ которой показаны, какъ годовой расходъ вина на каждый городъ, такъ и откупная сумма во Владимірской губерніи. Къ сожалѣнію, моя таблица должна ограничиться періодомъ отъ 1807 до 1819 года, когда Императоръ Александръ I отмѣнилъ откупную систему продажи вина:

Названіе городовъ.	съ 1807 до 1811		съ 1811 до 1815		съ 1815 до 1819	
	Годовой	Откуп-	Годовой	Откуп-	Годовой	Откуп-
	расходъ вина.	ная сумма.	расходъ вина.	ная сумма.	расходъ вина.	ная сумма.
Владиміръ . . .	27,182	98,200	40,229	229,070	40,229	230,600
Суздаль . . .	28,487	78,500	35,565	129,300	35,565	124,000
Переяславль - За- гѣсскій . . .	21,700	67,800	30,423	143,200	30,423	120,000
Юрьевъ-Польской.	24,077	57,200	32,636	103,200	32,636	112,500
Шуя	40,864	107,600	49,649	209,200	46,640	202,000
Муромъ	19,070	80,500	23,360	155,500	24,200	142,000
Гороховецъ . . .	16,451	41,725	20,048	85,700	20,048	67,600
Вязники	17,237	53,750	29,059	138,000	29,057	118,000
Меленки	17,400	34,100	18,213	63,100	18,213	71,000
Покровъ	18,467	54,600	20,533	79,750	20,233	85,000
Александровъ . .	20,766	41,900	23,002	86,200	23,002	101,000
Ковровъ	14,755	38,775	20,665	75,000	20,665	80,000
Судогда	7,217	31,100	15,182	52,100	15,821	40,000
Итого	273,673	785,550	356,356	1,551,850	356,356	1,551,850

Чрезвычайно интересно и полезно было бы прибавить къ этому цѣнность хлѣба въ то время, но я долженъ предоставить другимъ пополнить эту таблицу и составить такія же для другихъ губерній и за другое время.

Заключаю мое письмо радостною вѣстью, что въ настоящее время одинъ изъ помѣщиковъ александровскаго уѣзда составляетъ, по предложенію губернскаго предводителя дворянства, пректъ земснаго банка для Владимірской губерніи.

1860 года іюль.

100

ОГЛАВЛЕНИЕ.

СТ Р.

- I. Воскресенскъ.—Промышленность мѣстныхъ крестьянъ.—Миткалево производство.—Разговоръ крестьянъ о новомъ своемъ положеніи, подслушанный въ трактирѣ.—Котлетка, приготовленная по барски.—Сюрпризъ на градской почтовой станціи.—Волоколамскъ.—Городъ, бѣжавшій отъ рѣви.—Село Яропольцы—Село Слобода.—Кое-что о кочевыхъ цыганахъ.—Открытие на клинской станціи желѣзной дороги.—Мои сосѣдя въ вагонѣ. . . 1
- II. Подмосковный, но неизвѣстный на московской почтовой станціи городъ.—Дорога отъ Москвы до Вереи.—Пожаръ кабака (разсказъ ямщика).—Особенность нашихъ сельскихъ праздниковъ.—Верея и ея особенности.—Магическое превращеніе 24 верстъ въ 258.—Промышленность верейскаго уѣзда.—Мещерской сыръ.—Разведеніе луку.—Село Нары-Оминское.—Понятіе о законности у нашихъ крестьянъ (истинное происшествіе). 23
- III. Можайскъ.—Гостинница въ немъ.—Ямщики и ямской промыселъ.—Бородино.—Замѣчательная монастырка.—Можайскіе поросыта.—Извозничій промыселъ въ Москвѣ.—Кое-что о волкахъ.—Выгодная и полезная выдумка для сельскаго хозяйства. , 39

- V. Дорога до Рузы.—Руза.—Сплавъ лѣса въ Москву.—Новаторъ въ волостномъ правленіи.—Разбойники и вліяніе ихъ на русскаго крестьянина.—Разночищій промыселъ въ Петербургѣ и Москвѣ. 51
- V. Троицкая желѣзная дорога и ожидаемая отъ нея удобства.—Куда уходятъ деньги богомольцевъ?—Главный промыселъ жителей Троицкаго посада.—Нищенство, какъ ремесло.—Юродивые.—Гаврилушка.—Производство дѣтскихъ игрушекъ.—Базары.—Гостинница.—Постоялые дворы.—Богатство монастыря.—Школа живописи и нѣсколько словъ о нашихъ иконописцахъ.—Святая вода по казенной цѣнѣ.—Лѣса въ окрестностяхъ посада. 65
- VI. Спичечныя фабрики въ Александровскомъ уѣздѣ.—Запоздалое замѣчаніе о Троицкой гостинницѣ.—Александровъ: общая характеристика города.—Блаженный городъ.—Уѣздное собраніе.—Историческое воспоминаніе.—Монастырь.—Конюшни.—Торговля въ городѣ.—Караси, въ промышленномъ значеніи этого слова.—Фабрики въ Александровѣ и ихъ отличительныя особенности.—Кожевенный заводъ.—Фабрики въ уѣздѣ.—Учебныя заведенія и школы.—Журналы и газеты въ Александровѣ.—Матеріалъ для будущей исторіи виннаго откупа. 77